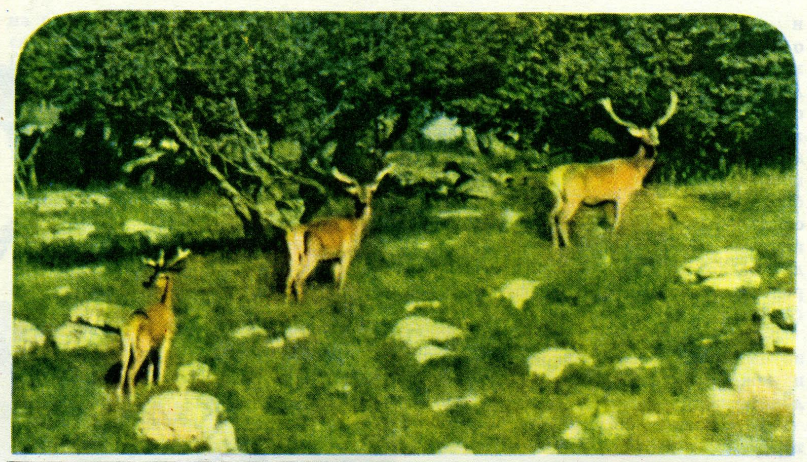

20 коп.
Индекс 71121
ЮНЫЙ
НАТУРАЛИСТ
71
11

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА

знать, беречь, множить

Не только мы, но и последующие поколения должны иметь возможность пользоваться всеми благами, которые дает прекрасная природа нашей Родины.

Л. И. БРЕЖНЕВ, из Отчетного доклада ЦК КПСС XXIV съезду партии.

Человек с ружьем за плечами целый день ходил по зимнему лесу, но ни разу не выстрелил — его руки были заняты карандашом и блокнотом. Охотник считал звериные следы.

По просторной гладкой степи движется грузовая машина с брезентовым верхом. Спереди брезент убран, и двое людей с биноклями, опершись на кабину, внимательно смотрят по сторонам. Это зоологи из научной экспедиции считают степных птиц.

Над озерной тундрой Таймыра летит небольшой самолет. Похоже, что пилот заблудился — он ведет машину зигзагами, на небольшой высоте, будто ищет кого-то внизу. Рядом с пилотом сидит наблюдатель. Так охотоведы проводят авиаучет диких северных оленей.

В океане качается на волнах белый корабль — плавучая лаборатория, — ихтиологи определяют запасы морских рыб и других промысловых животных.

В самых различных уголках страны люди считают животных. И не только зверей и птиц, приходится считать змей, лягушек, жуков, бабочек, клещей, блох. Такие учеты проводят зоологи, охотоведы и даже врачи-эпидемиологи, которые изучают болезни, разносимые животными. В специальные государственные учреждения поступают особые сводки

ЮНЫЙ НАТУРАЛИСТ 71 11
Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году

и донесения о результатах учетов, о численности животных. Охотники хотят знать запасы пушных зверей и дичи в своих угодьях. Работников сельского и лесного хозяйств тревожат вредные насекомые и грызуны, медики озабочены появлением грызунов — распространителей опасных болезней. В стране существуют даже специальные службы учета животных — особые штабы, которые следят за колебаниями численности зверей, промысловых рыб, массовых насекомых.

Как же люди считают диких животных? Ведь это не деревья в лесу и даже не звезды на небе, которые давно уже все пересчитаны...

Биологам приходится проявлять терпение и хитрость. Легче всего тем, кто имеет дело с малоподвижными животными; например, почвенными насекомыми, червями, гусеницами. Зоолог выбирает заинтересовавший его участок местности, отмеряет площадку — скажем, метр на метр — и начинает терпеливо считать все, что попадается на глаза. Если изучаются обитатели почвы, нужно раскопать подстилку и верхние слои земли, просеять их через специальные сита, отбирая добычу. Кого тут только нет — и всевозможные черви, и личинки насекомых, и ногохвостки-коллемболы, и сороконожки... Иные лежат смирно, а другие норовят скорее улизнуть.

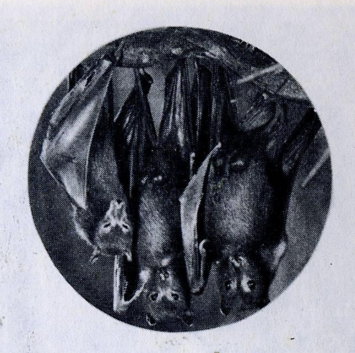
На площадках (только большего размера) считают насекомых и всякую другую беспозвоночную мелюзгу. Очень много надо заложить таких пробных учетных площадок, чтобы узнать, сколько насекомых обитает на участке леса или поля. Это кропотливая и трудная работа.

Не позавидуешь и тем, кому приходится считать наших мучителей — комаров, слепней, клещей. Существует даже такая специальная методика — «учет на себя». Человек сидит на берегу таежной речки и считает... сколько на него усядется комаров. Правда, там, где их особенно много, такой прием не годится — слишком легко сбиться со счета! Тогда применяют специальные марлевые пологи, закрепляя их в виде колокола. Для приманки используют различных животных.

Иначе учитывают таежных клещей — переносчиков клещевого энцефалита. Клещи, как известно, нападают чаще всего на движущихся по лесу животных. Сидит клещ на кончике ветки, протянув передние лапки, и терпеливо дожидается появления своей жертвы. И вот зоологи идут таежными тропинками, не мешая клещам набрасываться на себя. Время от времени осматривают одежду и считают, сколько набралось клещей. А ведь их бывает немало. В лесах Дальнего Востока нам приходилось собирать клещей сотнями!

Все это примеры непосредственного, прямого (как говорят, визуального) учета, когда считают самих животных. Так же проводят учет птиц.

Проходя весною определенный маршрут, опытный орнитолог, даже не увидев птицу в глаза, определяет ее по голосу и записывает в свою учетную ведомость. Считают ранним утром, еще затемно, потому что многие

птицы поют только в первые утренние часы.

Точный учет птиц в период весеннего многоголосья — настоящее искусство, доступное лишь большим мастерам своего дела.

На маршруте в лесу можно встретить не только птиц, но и некоторых зверьков — белок, бурундуков, ежей, летучих мышей. Переписывают и их. В степи так считают сурков и сусликов, змей, черепах и других животных.

Ну, а как быть с теми скрытными или очень редкими обитателями, которых случайно удается увидеть? Часто ли вам доводилось встретить быстроногую косулю, юркого соболя, или горностая, или хотя бы самую обычную лесную мышку? В на-

ших лесах живет много маленьких шустрых зверьков — землероек, но эти ночные животные почти не попадаются на глаза людям.

Для подсчета мелких млекопитающих пользуются различными ловушками, капканами. Закапывают в землю узкие банки и специальные жестяные цилиндры. Самый распространенный способ учета мелких грызунов называется методом «ловушко-суток».

Зоологи расставляют в лесу и в поле обычные мышеловки — те самые, которые продаются в хозяйственных магазинах, а потом считают свою добычу. Кстати, пойманных зверьков обычно кладут в белые полотняные мешочки, чтобы другие специалисты сосчитали потом, сколько блох, клещей и других паразитов было на грызунах. Это тоже учет, причем очень важный — ведь как раз такие кровососы могут передать опасную болезнь от животного человеку.

По числу пойманных в ловушки зверьков зоологи судят о численности грызунов. Подобным образом ихтиологи ведут учет рыб, проверяя свои сети, а энтомологи считают мух и москитов, приклеившихся к лентам липкой бумаги.

Но не всегда для учета требуется считать самих животных. Пусть звери бегают по лесам. Зимой любой из них (кроме тех, кто ложится на зиму спать) обязательно оставит на снегу отпечатки своих лап или копыт. Зимний лес — открытая книга для натуралиста. Учет ценных пушных зверей — например, соболей, лисиц, колонков и копытных животных (лосей, косуль, оленей) — в основном проводят зимою по следам. Их считают на маршрутах или площадках. Иногда несколько раз приходится обходить один и тот же участок леса и отмечать все следы, чтобы подсчитать потом, сколько зверей вошло на эту площадку, а сколько вышло обратно.

Ну, а если снега нет? В степях и пустынях зоологи ищут гнезда и убежища животных: например, выбросы земли у сурчиных поселений, жилые норы сусликов. Иногда можно провести учет и по-другому. О количестве речных бобров узнают по числу поваленных ими деревьев, а о запасливых зверьках-пищухах — по стожкам заготовленного на зиму сена.

Все это требует от зоологов не только умения и мастерства, но и много времени. В последние годы биологи стараются призвать себе на помощь современную технику. Так, для учета ночных бабочек стали применять специальные ртутно-кварцевые лампы с ультрафиолетовым светом. Энтомологам теперь уже не нужно бродить по лесам и махать сачком — сотни тысяч насекомых (целый мешок!) летят на свет.

Для охотоведов надежным помощником стала авиация. С небольших самолетов или вертолетов считают сайгаков в степях Приаралья и северных оленей в полярной тундре, лосей в лесах Подмосковья, маралов в далекой Туве и медведей на берегах Байкала. Иногда для учета крупных стад применяют аэрофотосъемку.

Даже многих птиц — лебедей, гусей, уток, белых куропаток — можно сосчитать с воздуха.

Помогают считать животных и любители природы, в том числе и юные натуралисты. Они отвечают на специальные анкеты, которые рассылают зоологи. Иногда ведут несложные зимние учеты, сообщают о своих наблюдениях. В некоторых районах страны на особый учет взяты все птицы, гнездящиеся вблизи человека. Здесь большое поле деятельности для вас, ребята. Только нужно с особой заботой относиться к нашим пернатым друзьям — грачам, аистам, скворцам, чтобы учеты гнезд не обернулись для них бедою.

Ф. ШТИЛЬМАРК,
Н. НОСКОВА

Прошла горячая страдная пора в школьных лесничествах страны. Нет, и осенью продолжается работа, но в это время подводят юные лесничие первые итоги, составляют планы на будущее. Славно потрудились ребята в своих зеленых хозяйствах. Тысячи гектаров молодых лесов посажены руками юных, заготовлено много ценного лекарственного сырья, собран богатый урожай семян и ягод.

Сегодня «Наш вестник» рассказывает о делах школьных лесничеств. О заботливых и добрых ребятах, которым дорог красивый наряд нашего зеленого друга.

СЕКРЕТ ГЕРБАРИЯ

Не каждый сможет зажечь маленькую электрическую лампочку на коробке простого с виду гербария. Секрет его откроется только тому, кто хорошо знает лес и никогда не спутает крушину с боярышником, а ветлу с вязом. Название его звучит несколько скучновато: «Гербарий древесно-кустарниковых пород, распространенных в Тюменцевском районе». Составили такой гербарий Леня Какурин, Леня Бахарев, Валера Николаев, Володя Языкин и Саша Кондрух — юные друзья леса Вылковской школы Алтайского края.

Несколько десятков черенков различных пород размещено в коробке. Около каждого черенка специальное гнездо, такие же в самом низу, где написаны названия. Только тому, кто правильно соединит электрическим проводом два соответствующих гнезда, улыбнется электрическая лампочка.

Конечно, у юных лесоводов не бывает промаха — лампочка загорается тотчас. Это и понятно. В здешнем школьном лесничестве 438 гектаров. Все надо успеть сделать — и посадить молодые саженцы, и собрать семена, и проследить за «здоровьем» взрослых деревьев. В этом году юные лесничие заготавливали черенки тополя. 20 тысяч черенков укоренили и рассадили ребята. Краше станет зеленый наряд их лесничества.

НЕОБЫЧНЫЙ САД

За зеленой изгородью из молодых елочек раскинулся этот необычный сад. Впрочем, его можно назвать и парком, и лесом, и плантацией. А необычен он потому, что все деревья и кустарники здесь пока маленькие. Но приоткроем тайну. Речь идет о дендрарии — первом в Лухском районе Ивановской области школьном дендрарии. Создали его юные лесничие Георгиевской восьмилетней школы.

Полторы тысячи квадратных метров занимают посадки. Каких только растений здесь нет! Рядом с кленом, дубом, березой — обычными деревьями средней полосы России — можно увидеть грецкий орех, амурский бархат, маньчжурскую аралию, каштан и пробковый дуб. Невелики пока деревья, но пройдет время, и дендрарий станет живой лабораторией, где ребята поставят не один опыт по акклиматизации растений из разных географических зон земного шара.

ЖИВИ СПОКОЙНО, МУРАВЕЙ!

Не удивляйтесь, если в лесу неподалеку от Ядровской школы Шаховского района Московской области встретите огороженные муравейники. Ядровские школьники успешно провели этим летом операцию «Муравей». Первым отыскал высокий коричневый конус Гена Тупикин. Он аккуратно огородил и занумеровал жилище лесных санитаров. Даже на одной слеге свою фамилию написал. Чтобы все знали — муравейник находится под постоянной охраной. Володя Щуренков и Коля Батраков из Княжеских Гор нанесли на карту 10 муравейников. Теперь спокойно чувствует себя муравьиный народец. Прочная изгородь убережет его от тяжелых копыт лося и от чрезмерного любопытства других лесных обитателей.

ЗДЕСЬ ЗАШУМЯТ БЕРЕЗЫ

«Вот она, наша березовая роща!» — с гордостью говорят юные лесоводы Полонковского школьного лесничества Брестской области. Невысокие деревья стынут под первым морозцем зазимка. Им еще расти и расти, пока не зашумят на ветру красавицы березы длинными косами ветвей.

Но встанет березовая роща, и каждый скажет слова благодарности нынешним пионерам Полонковской школы. И не только за нее, но и за сосновый бор, который заложили ребята, за зеленый наряд улиц их поселка, за аллею из 400 рябин, что украсила дорогу Полонка — Переносины.

В ЛЕС ПО ЯБЛОКИ

Леснушка, дикарка — так подчас называем мы дикие яблони. Плоды у них мелкие, горьковатые на вкус. Вряд ли кто, возвращаясь из лесных походов, прихватит с собой корзину терпких зеленых яблок. А что, если окультурить дикие деревья? Может, тогда лес подарит не только грибы и ягоды, но и крупные ароматные яблоки?

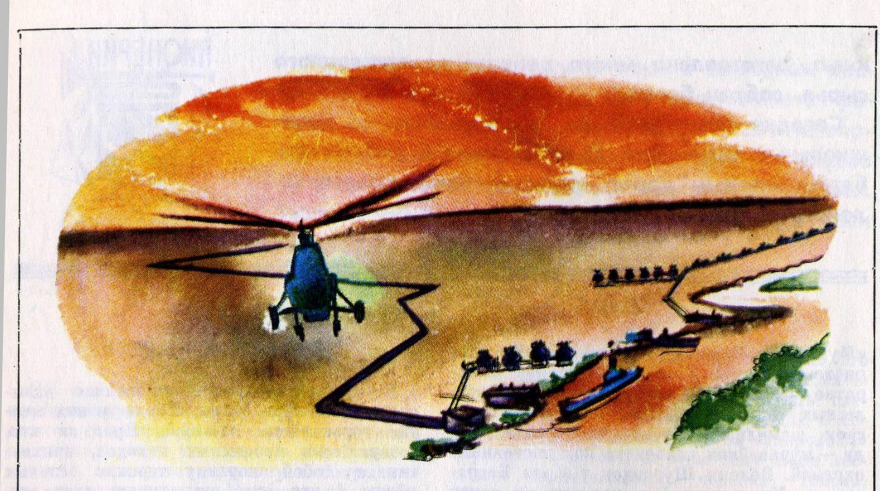
Не один год проводят такую работу школьники Армении. Каждую весну прививают они десятки тысяч деревьев. И результаты говорят за себя.

В Иджеванском районе ребята собрали в лесу 8 тонн яблок нового урожая. А в далеком горном селе Лцен плантация юных лесничих дала первый урожай — 130 килограммов крупных душистых плодов.

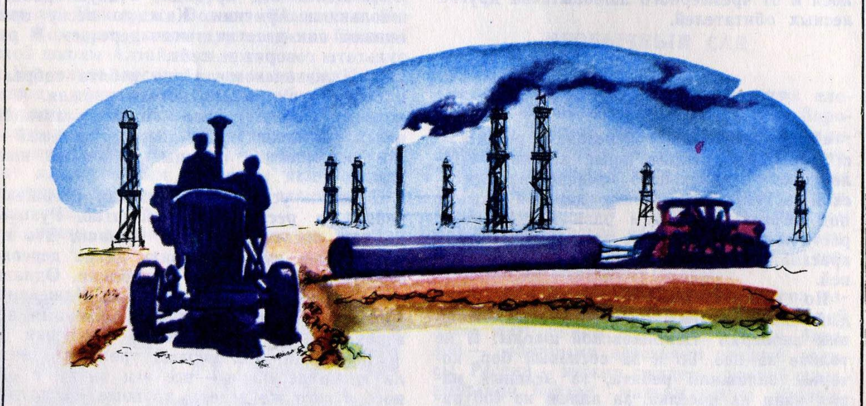
О своих успехах и неудачах сообщают ребята в республиканский штаб. Руководит им писатель Вахтанг Ананян. Это на его призыв культивировать дикие деревья откликнулись пионеры республики. Однажды пришла в штаб посылка из Иджевана. Рядом с красными сочными яблоками невзрачными казались мелкие леснушки.

«Посылаем наш первый урожай, — писали юные лесничие, — все эти плоды с одного и того же дерева, крупные — с привитых кустов, мелкие — с диких».

Доброе дело задумали пионеры Армении.

ТЮМЕНСКИЕ ЗОРИ

Там, где тянутся непроходимые болота и топи, где зверь не пройдет, как говорят охотники, хранила земля несметные сокровища. Не сразу добрались до них люди, а когда добрались — ахнули: под слоем зыбкой почвы и на дне озер лежали богатейшие запасы нефти и газа. Старому седому Баку понадобилось 100 лет, чтобы выкачивать из земли 20 миллионов тонн нефти в год. А молодая нефтяная Тюмень стала добывать такое количество уже через пять лет.

Пройдет еще пять лет, и по самым приблизительным подсчетам специалистов край, лежащий за Уральским хребтом, должен дать 100—120 миллионов тонн, а еще через пять — до 250 миллионов. Вот какое богатство! Поэтому плывут с весны, как только сойдет лед, до самой осени по всем большим и маленьким рекам бесконечные караваны судов и барж с грузами. Скользят друг за другом по мелководным притокам и воложкам плоскодонные бударки с подвесными моторчиками, развозя людям все необходимое.

А зимой поднимаются с далеких аэродромов тяжелые самолеты, перелетают через горы и осторожно садятся на лед озер и рек, чтобы доставить трубы, тракторы, вездеходы геологам и буровикам. Край этот называют краем больших расстояний, где на тысячи километров вокруг не встретишь привычного километрового столбика.

— Сколько будет до Шайтанки? — спрашиваем у старого охотника.

— Сто песков, однако...

— Как так? — удивляемся.

И выясняется, что это сто песчаных речных поворотов.

Измеряют здесь расстояния и суточными переходами, и количеством трудных и опасных мест, и литрами съеденного моторами автосанно-тракторных отрядов горючего. И обыкновенные шоферы здесь похожи на летчиков, а летчики — на шоферов, потому что им приходится возить одни и те же грузы.

Да, необычен Тюменский край. Когда на севере лежит снег и самолеты летают на лыжах, на юге снег может стаять, и самолеты «переобуваются» — надевают колеса. Вот почему иногда подолгу приходится ждать погоды на местных аэродромах.

Так однажды случилось и со мной. Мы ждали посадки. Все пассажиры давно перезнакомились. Высокий седой геолог летел в Москву. Трое геодезистов — в Тюмень. Мальчик Володя Плаксин из поселка Кузики — в Тобольск. Он был в курсе всех взрослых разговоров и часто расспрашивал летчиков. Володя и задал этот каверзный вопрос:

— А нельзя ли, чтобы у самолета были лыжи, и колеса, и поплавки? Захотел — выпустились колеса, захотел — лыжи, захотел — поплавки.

— Какой шустрый! — рассмеялся летчик.

— Послушай, Володя, — сказал я. — Когда растает аэродром, на реке еще лед, машины уже не ходят, потому что закрыт «зимник», как вам доставляют газеты, журналы, кинофильмы?

— Очень просто, — ответил Володя. — Прилетает «Антон» и сбрасывает с бреющего все, что надо.

— А если от вас взять письма?

— А вертолеты? — хитро улыбнулся Володя.

— Конечно, вертолеты! — подтвердил геолог.

Наконец объявили посадку. От оттепели взлетная полоса раскисла. Мимо нас, поднимая фонтаны брызг, пронесся самолет на лыжах. Он катился на взлет, словно человек, перебегающий лужи. Как руками, балансировал крыльями, постепенно задирая нос, и, как ноги, приподнимал то одну, то другую лыжу. Только у самого края размокшей летной полосы наконец оторвался от месива из воды и снега.

Наш самолет тоже вырулил на взлетную, но провалился лыжами под лед. Летчики дали полные обороты. Ни с места! Тогда второй пилот вышел из кабины и сказал:

— У кого сапоги, прошу выйти.

Я в сапогах. Прыгаю за борт. Воды по колено. Под ней лед. Летчик расставляет нас справа и слева от крыльев, и мы под рев мотора начинаем толкать самолет. Но ничего не получается. Через двадцать минут подползает трактор и осторожно вытягивает самолет на раскисшую дорожку. Снова трудный разбег. За окном тучи брызг. Последние толчки и ухабы. Ура! Летим!

Да, трудно дается тюменская нефть... Я испытал это сам на берегу озера Самотлор. Было это осенью. Геолог Саша Петров варил суп и шутил, что сейчас нет комаров, а то бы он нас угостил «супом с комарами». В шутке была своя правда. По-прежнему все летние экспедиционные супы и каши без комаров не обходятся. Такое уж здесь сырое место.

Несколько лет назад топографы не посчитали нужным назвать это озеро, и на карте области оно осталось безымянным. А между тем сейчас его знают во всем мире. Под илистым озерным дном геологи нашли огромные запасы нефти.

«Мертвое озеро», «Шайтан-озеро» — из поколения в поколение называли его таежные охотники. Десятки и даже сотни километров вокруг непроходимые болота и тайга, зимой бесконечно белая и однообразная, летом рыжая от полусгнивших деревьев и ржавой болотной воды, из которой пузырьками струится затхлый болотный газ.

Редко кто отваживался даже зимой добраться сюда. Потому что и зимой, когда сорокаградусные морозы сковывают реки и озера, на болотах под коркой снега открывается булькающая трясина. Так круглый год сторожили болота озеро. А оно, как в сказке, хранило свои клады.

Люди настелили на непроходимые болота деревянные вертолетные площадки, проложили гати и воложки, на озеро опустились самолеты и вертолеты, на смену красным палаткам геологов и топографов, сейсмологов и геофизиков — разведчиков нефти — пришли разборные домики промысловиков-бурильщиков.

Чтобы легче добывать из-под дна озера нефть, инженеры понизили уровень воды в нем, спустили часть ее через канал в небольшую речку. Теперь здесь работают десятки бурильных станков и промысловых скважин. По толстым трубам течет нефть на берега Оби. Там ее переливают в трюмы-танки нефтеналивных барж и танкеров, перекачивают в огромные серебристые баки. Загруженные, с красными косицами вымпелов, нефтяные караваны держат путь по Оби к Омскому нефтеперерабатывающему комбинату. А навстречу им спешат обычные грузы: станки и бурильный инструмент, камень и бетон в Мегион и Нижневартовский, Нефтеюганск и Сургут — новые «нефтяные столицы» края.

Но спешат эти так нужные грузы пока лишь по воздуху и реке. В ближайшие же годы от Сургута на Нефтеюганск и дальше, через тайгу, до Тобольска ляжет железная дорога — ударная стройка девятой пятилетки. Она преобразит нефтяной край, свяжет в стальной неразрывный клубок все его богатства.

Есть на правом берегу Иртыша маленький поселок разведчиков нефти Горноправдинск. Пять лет назад, когда туда пришли геологи, стояла на месте поселка крохотная деревушка. Несколько десятков жителей, 11 ребят, одна учительница. Теперь в Горноправдинске больше тысячи рабочих, инженеров, техников, служащих и 800 ребят. И хотя вырос поселок в глубокой тайге, здесь есть у ребят все, что и в больших городах. Красивая просторная школа, спортзал, каток и футбольное поле. И даже свой зоопарк, в котором два медвежонка, три лисы и две белки. Особенно гордятся в поселке теплицами. С февраля и до ноября в них всегда свежие огурцы и лук, с мая — помидоры. И это у самой границы Полярного круга, где зима длится почти девять месяцев!

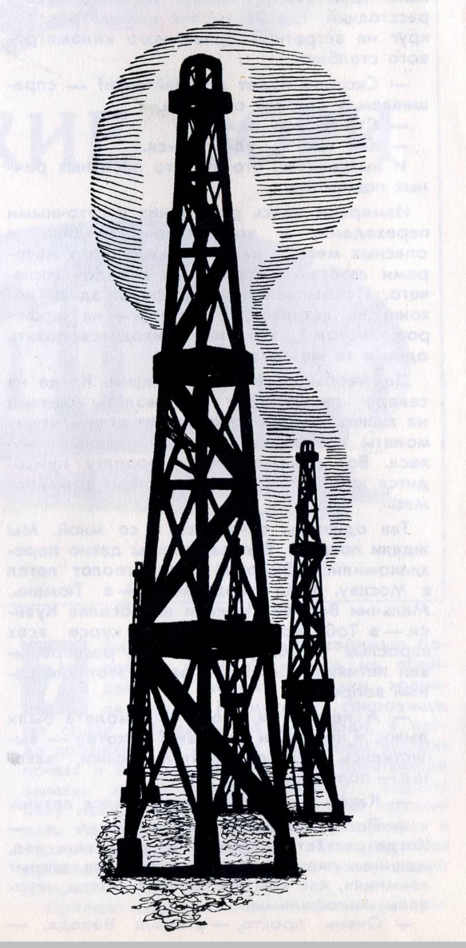
Мы видели, как бережно относятся горноправдинцы к каждой веточке, к каждому цветку, потому что все-таки это Север — край безбрежной тайги и сурового климата. И еще нам бросились в глаза... бутылки. Обыкновенные бутылки с черной и тяжелой, как ртуть, маслянистой жидкостью. Они почти в каждом доме. Что это? Оказалось, нефть, обыкновенная, «сырая», как говорят специалисты, нефть. Есть у людей здесь такой обычай: самую первую нефть, что забила из скважины, привозить домой, показывать жене, детям, дарить на память. Хороший обычай!

Каждый день над поселком разведчиков стрекочет голубой вертолет. Он забирает очередную смену рабочих, бурильщиков, трактористов, механиков и увозит их за сотни километров в тайгу. Там буровые. Завистливым взглядом провожают ребята своих отцов. Не берут их пока в тайгу. Но из хорошей зависти может родиться мечта. Из мечты — цель. На всю жизнь.

Пройдет не так много лет, и многие из тех ребят, которые провожают голубой вертолет, наверняка станут, как и их отцы, нефтеразведчиками!

А. РЯБИКИН

Рис. Л. Сизякова

МАРАЛИЙ КОРЕНЬ

Витька Безносиков растирал ушибленное колено и старался сдержать слезы. А все началось здорово. Как они сбежали с участка, никто и не заметил, и вот валун на пути, треск велосипедных спиц... Падение через голову... А вокруг все знакомое. Холм, над которым висит долгое солнце. Внизу высокие, словно на подставках, избы. И речка блестит, и ель на том берегу так же заслоняет горизонт. Кружится над ним паутина — пришла на север осень. Витька обреченно вздохнул: зачем он только поспорил, что съедет по делянке борщевика?

Колька сейчас полеживает на прохладном берегу Сысолы, а Витька мучается рядом с коварным велосипедом и трет фиолетово-багровую коленку.

А спор начался так:

— Давай по борщевику проедем?

— Лучше пешком!

— По борщевику быстрее! Сам знаешь: я сажал...

— Ну его, этот борщевик! Айда по дороге!.. Еще упадем...

— Да я же знаю там каждый кустик!

— Давай по дороге...

— Нет, по участку. На спор?

И вот они поспорили, что Витька окажется на берегу Сысолы раньше друга. Результат налицо: велосипед валяется рядом, а коленка пухнет...

А утро было отменное. Солнце висело над голубой тайгой, в которой уже стал преобладать багряный цвет — обычный цвет осени. Сысола течет, крутясь и извиваясь, к Черному озеру. Но озеро прозвали так будто в насмешку: оно голубое, вода в нем прозрачна, словно стекло, — видно, как возле дна шныряют пескари и юркие ельцы.

На школьном участке Витьке стало скучно. Хотя учительница биологии Прасковья Ивановна Попова довольно долго объясняла, для чего нужен в северном краю этот высокий и кустистый борщевик, Витька понял только одно: вместе с пришельцем из Алтая маральим корнем борщевик очень уважают коровы. Откровенно говоря, ломать борщевик Витьке не хотелось. Неинтересное это занятие — бродить по участку в брезентовых рукавицах и ломать стебли борщевика. А борщевик напоминал собою бамбук — в кино Витька видел, как

в бамбуковых зарослях пробирались люди. Так и делянка. Солнца и неба не видно: такой высоты эти растения. Скучно же все-таки это — ломать и ломать твердые стебли: ноют плечи, свинцом наливаются руки. Вот на тракторе или на комбайне выехать в поле — это интересно и здорово! Поэтому они вместе с Колькой и решили удрать со школьного участка, пока Прасковья Ивановна увлеклась разговором с девчонками.

Вот и удрал, оказывается. Колька, поди, сейчас на берегу уже удочки разматывает и, наживляя червяка, посмеивается, предчувствуя, как Витька отдаст ему свой спиннинг — спор ведь есть спор, и каждый настоящий мужчина обязан платить, если проиграл.

Да, уж лучше бы он вместе с девчонками втыкал в землю дощечки с чудными названиями многолетних силосных культур: «Топинамбур — земляная груша — 1 год, горец Вейриха — 2 года, маралий корень — 1 год. Участок 5-го класса «А»...»

А теперь вот «загорай» здесь, в тени огромного борщевика. Кто его здесь найдет? Кто увидит? В этих зарослях и трактор можно не заметить, не то что сидящего человека.

Раздвигая руками стебли борщевика, Витька пополз к дороге, но тут его внимание привлекла белая рейка, прыгающая поверх плотных шапок борщевика.

«Кто-то идет. Кто?» — подумал Витька и притаился: стыдно будет, если его увидят здесь на земле, в разорванной рубашке и охающего. А вдруг это Прасковья Ивановна измеряет рост стеблей рейкой? Она сразу догадается, что Витька просто-напросто сбежал с участка. Неприятного разговора тогда не миновать. Но вот перед ним возникли обыкновенные кеды, послышался шорох раздвигаемых стеблей, и Витька услышал незнакомый голос:

— Это что за человек? Ты кто такой?

У незнакомца были густые сивые брови, загорелое до коричневого блеска лицо и очень синие глаза. На голове человека сидела мятая соломенная шляпа, поля ее были загнуты лихо, по-ковбойски. И это както даже не вязалось с лицом человека — пожилым, усталым.

Человек спросил по-коми:

— Мый? (Что тебе надо?)

— Дас пунт вый! (Десять фунтов масла, вот что! — шуточная поговорка.) — буркнул зло Витька. Неужели незнакомец сам не видит, в какую беду попал он?

— А ты, оказывается, шутник. Авария? Что ж, давай знакомиться. Константин Алексеевич, доктор. А тебя?

«Доктор, это здорово!» — промелькнуло у Витьки, и он, протянув руку, назвал себя.

— Видно, я тебе в данный момент нужен больше всего. А как ты, Витя, оказался здесь, в зарослях кормовой культуры? — С этими словами Константин Алексеевич сжал Витькину пятку, а потом резко дернул на себя.

Витька прикусил губу до крови — такой острой была боль, но все-таки не закричал.

— Молодец, умеешь переносить боль. И все-таки, как ты здесь оказался?

— Сбежал!

— Откуда?

— Со школьного участка. Скучно. Ломай да ломай борщевик. Коровам, говорят, нравится. Коровам пусть нравится, а мне нет...

Человек насупился.

— Вставай, Витя, теперь ты можешь ходить. Значит, скучно ломать растения? Никакого интереса. А знаешь ли ты, что такое борщевик? Посмотри, сколько в нем метров! — Человек приставил рейку к высокому стеблю.

— Метр девяносто пять! — ответил Витька.

— Вот... Что это значит? А значит, что на нашей северной земле может расти этот пришелец с юга. Теперь ответь мне: у вас корова есть?

— Ну есть, — ответил Витька.

— Сколько ей надо сена на зиму?

— Не знаю. Это отец с мамкой знают.

— Приблизительно тонну. А теперь скажу по секрету: у вас в колхозе четыреста коров, много овец и других животных. Представляешь, сколько им нужно сена? А ведь луга ввысь не растут, они, как говорится, не резиновые — растянуть их нельзя. Вот и решили ученые попробовать борщевик и маралий корень. Ведь алтайский гость — маралий корень — за год вырастает на целый метр, а ведь он многолетний житель. Вот и получается — посадил один раз, а будешь снимать урожаи несколько лет. И в отличие от лугов с каждым годом эти растения будут давать урожая больше и больше. У вас есть маралий корень на школьном участке?

Витька силился вспомнить: есть ли такая табличка на участке? Кажется, была.

— Это весьма волшебное растение. На Алтае и в горных Саянах водятся маралы. Их рога ценятся на вес золота — из этих рогов делают лекарство, которое помогает людям. Марал ищет и находит в тайге растение, в стеблях которого заложена чудодейственная сила. Ученые понаблюдали за повадками маралов и заметили, что они питаются этим растением тогда, когда им чего-то не хватает. И еще заметили ученые: поедая этот корень, маралы весьма быстро прибавляют в теле. Попробовали давать маралий корень овцам, и те тоже начали быстрее расти. Теперь, Витя, представляешь, что такое этот корень?

— А от маральего корня человек тоже может расти быстрее?

Константин Алексеевич сделал вид, что не разгадал истинный смысл вопроса. Дело в том, что Витька обижался на природу — рос он медленно и в пятом классе был ниже всех. Это очень задевало его самолюбие.

— Человек? Наверное, может, не знаю. Наверное, все-таки может, — лукаво сказал Константин Алексеевич.

Они шли, раздвигая заросли борщевика. Константин Алексеевич между тем делал пометки в записной книжке.

— Молодцы, ребята! Удался у вас борщевик. Следовательно, можно будет сделать сообщение в академии: земля Коми подходит для этой культуры. Отличный рост — прямо бамбуковые заросли. А хочешь послушать, как растет стебель?

Константин Алексеевич прижался ухом к стеблю борщевика. Затем он нагнул стебель и сказал:

— Слушай!

Витька остановился. Где-то вдали на желтеющем поле татакал комбайн, уминая лопастями пшеницу, снизу, из деревни, прилетело мычание коровы. Витька сосредоточенно прислушивался: в стебле послышалось легкое потрескивание.

— Слышишь треск?

— Ага.

— Это бежит влага по жилам борщевика, выталкивая стебель к солнцу. А ты говоришь, скучное это занятие — убирать борщевик! Конечно, если ходить по делянке просто так и ничего не знать о растении, тогда действительно скучно станет.

Витька остановился и сказал:

— До свидания.

— Ты куда?

— Мне надо обратно.

И Витька покатил велосипед по тропке, которая резала делянку с борщевиком пополам. Покатил туда, где на холме виднелось двухэтажное здание школы.

Вдруг он остановился и, обернувшись, крикнул:

— Сколько лет надо выращивать маралий корень?

— Года три... — серьезно, без улыбки ответил Константин Алексеевич.

Витька кивнул и зашагал по тропке.

«Попрошу у Прасковьи Ивановны делянку с маральим корнем и буду выращивать. Как раз через три года перейду в девятый...» — думал он по дороге.

Ему вдруг стало интересно, хотелось узнать об этом растении все. «В библиотеке книжку про него возьму...»

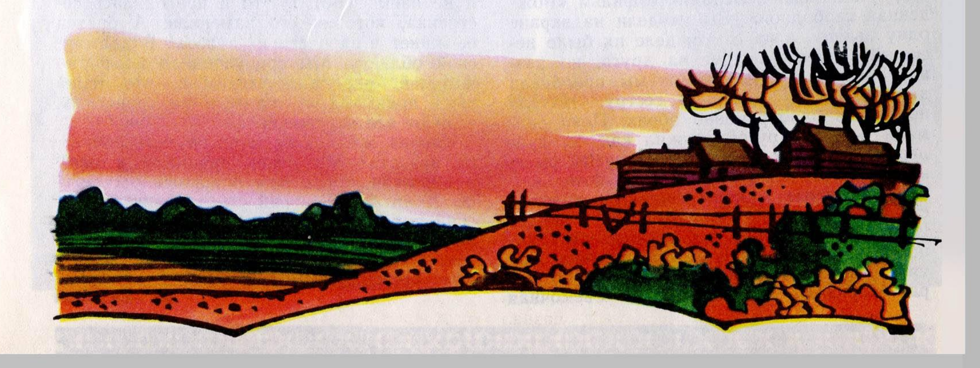
А в спину ему глядел, улыбаясь, Константин Алексеевич. Он знал: теперь с делянки не удерет Витька на рыбалку — он помнил, какой пытливый огонек горел в глазах у паренька, когда он слушал о борщевике и маральем корне. Наверняка Витька мечтает сам вырастить на делянке корень. Может быть, таким образом отыщет Витька свое призвание?

Щедро светило осеннее солнце, и его свет поджигал тайгу, делал ее багряно-желтой.

С курлыканьем пролетела на юг стая журавлей. Константин Алексеевич проводил их погрустневшим взглядом. А затем он поглядел в сторону школы. Возле нее стоял Витя и о чем-то говорил с женщиной в белом платке.

«Видно, с учительницей говорит!» — решил Константин Алексеевич и зашагал дальше — надо было измерить еще полгектара борщевика. В академии можно будет заявить твердо: на основании опытов Визингской и Ибской школ южные растения могут расти на суровой северной почве. Вполне им хватит северного солнышка, а влаги хоть отбавляй.

В. СТЕРИН

„ТРОПОЙ БЕСКОРЫСТНОЙ ЛЮБВИ“

Защищая детеныша, рысь вступила в неравный поединок с медведем и погибла. Детеныша нашел старый лесник Михалыч и принес домой. Кунаком горцы называют самого близкого друга. Это имя и получил от Михалыча его воспитанник.

Рысенок Кунак быстро освоился на новом месте, подружился с собакой и петухом. А когда немного подрос, вместе с собакой выводил козу в поле, а вечером пригонял ее домой. Однажды Кунак рассердился на петуха, который пил молоко из его миски, и убил его. Испугавшись своего проступка, он убежал в лес и попал лапой в капкан. Обеспокоенный долгим отсутствием любимца Михалыч разыскал его и освободил из капкана.

А потом в дружную семью лесника пришла беда. Злые браконьеры, которым Михалыч не давал спуска, решили отомстить ему. Они похитили Кунака и продали его в передвижной зверинец. Прошло немало дней, прежде чем друзья встретились вновь.

Таков сюжет цветного художественного фильма «Тропой бескорыстной любви», снятого на киностудии «Центрнаучфильм». Поставил его режиссер Агаси Бабаян. Снимал оператор Анатолий Казнин. Роль Михалыча исполнил артист Дмитрий Орловский.

Как известно, рысь почти невозможно приручить. Как же удалось снять этот увлекательный фильм?

— Начну с того, — сказал А. Бабаян, — что открою секрет. Когда кинематографисты начинают снимать фильм о животных в естественных условиях, они готовят для съемок не одного четвероногого артиста, а нескольких. Вспомните фильм «Рожденная свободной». Вы увидели на экране одну львицу, а на самом деле их было несколько, похожих друг на друга, но разного возраста. Для съемок мы приобрели двух рысят — брата и сестру. Начали приручать одновременно обоих. Пока снимали одного, другой служил как бы дублером — на тот случай, если первый рысенок заболеет или откажется «работать».

Мы впервые в кино снимали художественный фильм с прирученной рысью. И сразу же столкнулись со многими трудностями. Прежде всего, как приучить рысят к шуму? Ведь во время съемок кругом разговаривают люди, стрекочет съемочная камера. Начали с того, что дали рысенку для игр резиновый мячик с дробью, потом положили в клетку магнитофон, который воспроизводил обычные команды режиссера и его помощников во время съемок. А затем провели туда же радио. Рысенок круглые сутки вынужден был слушать музыку и речь. Так наши воспитанники приучились не обращать внимания на людей, на шум, кинокамеру.

Но главная задача состояла не только в том, чтобы рысенок спокойно бегал во дворе у лесника и в лесу, но и стал настоящим другом исполнителя главной роли — артиста Орловского. И пришлось Дмитрию Дмитриевичу самому кормить рысенка, спать с ним, и они стали неразлучными. Привык рысенок и к собаке.

Вы увидите в фильме такой кадр: рысенок Кунак вспрыгивает на край колодца, смотрит на свое отражение, а потом лакает воду. Казалось бы, просто. Но сколько времени оператор провел в постоянной готовности, следя кинокамерой за четвероногим героем, чтобы запечатлеть этот момент!

А вот еще один кадр из фильма: рысенок увидел, как петух пьет молоко из его блюдечка, слез с чердака и убил его. На самом деле петух остался жив, потому что птица при приближении рыси впадала в шоковое, неподвижное состояние, а рысь равнодушна ко всему, что не движется. Не мало времени мы провели, чтобы найти в окрестных деревнях самого задиристого, бойцового петуха, который не пустился бы наутек при одном виде хищника.

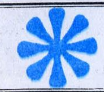
Где-то на середине съемок первый рысенок убежал от нас в лес, и мы его так и не нашли. Вот тут-то и пригодилась сестренка, которая его заменила. А братец ее живет и здравствует в лесах Владимирской области. Мы предупредили по радио жителей окрестных деревень, что наша рысь привыкла к людям и не тронет их, если от нее не убегать.

Какова же судьба второго четвероногого артиста? Мы очень привыкли к нему и горевали, когда нам пришлось расстаться. А артист Дмитрий Дмитриевич Орловский так полюбил рысенка, что дважды в месяц ездит в Подмосковье, на зообазу нашей студии, чтобы повидать четвероногого героя.

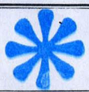
Вл. БАУЛИН

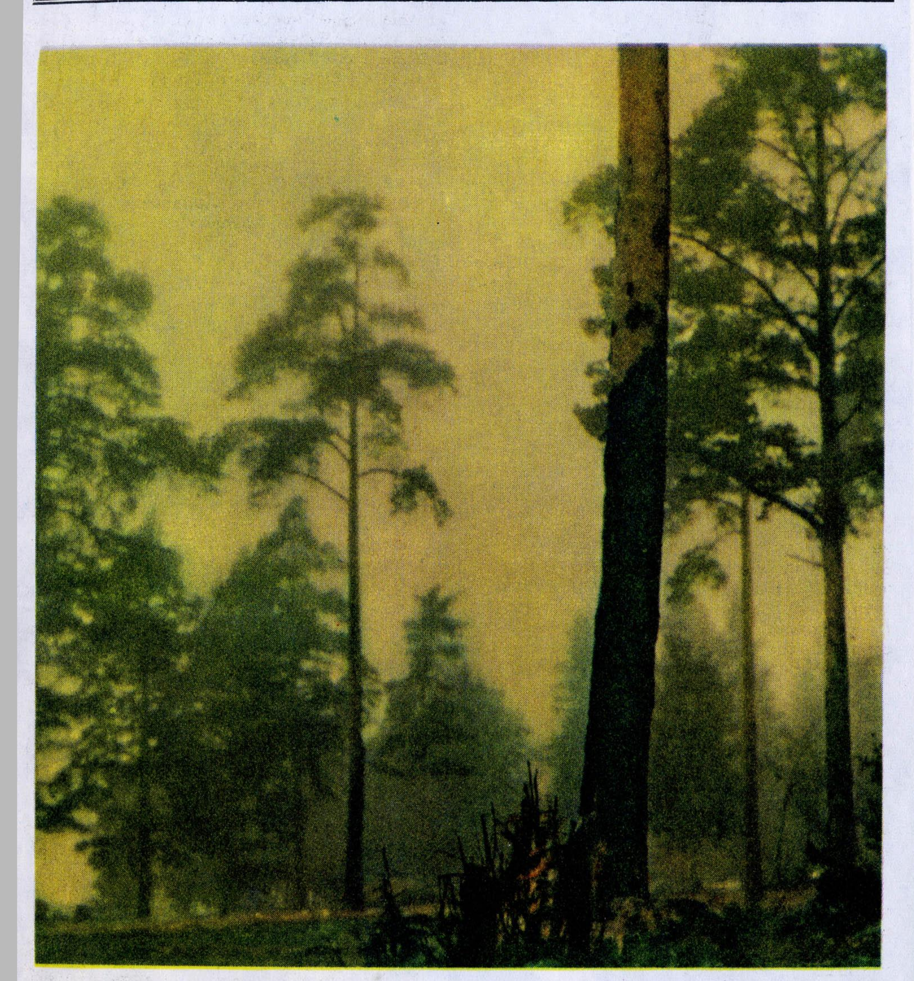

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

НОЯБРЬ

Хитрый ноябрь. Пытается и осени угодить, и зиму не обидеть. То нагонит черные тучи с холодным дождем, а то вдруг схватит землю морозцем, припушит снежком — и почти зима. Но и она ненадолго. Растает снежок — и снова осень. И только лес равнодушен ко всем фокусам ноября. Он проводил своих последних летних жильцов, стал сонным. Деревья, звери ждут первого снега: холодно им от знойного ноябрьского ветра. Каждый день полон ожиданий. А вдруг засверкает завтра земля белым, ослепительным нарядом?

Сегодня у меня побывал воришка. На чердаке висели гроздья спелой рябины, которую я собрал для птиц. Зима приближалась к нашему лесу, дрозды, снегири и рябчики склевали почти все. Мой запас рябины теперь бы пригодился, но на него кто-то покушался.

Каждый день пучки рябины я выносил на кормушку и видел, как снегири, а особенно дрозды, жадно набрасывались на ягоды. А когда их не хватало, птицы и устраивали тайные набеги на мой чердак.

Снегири в таких набегах никогда не участвовали: грабежи, даже безобидные, были не по нраву тихим и застенчивым птицам. Зато дрозды изыскивали все новые пути, чтобы проникнуть на чердак. То они влетали в окошко, которое я забывал закрыть, то забирались через сени, то попадали в сарай, а оттуда как-то проникали к ягодам — спасения от этих разбойников не было.

Но на чердак пробирались только самые отважные птицы. Что могли сделать с гроздьями рябины два-три дрозда? Почти ничего. Воришка не съел много ягод, зато он пообрывал и уронил почти все гроздья. Странно, что разбойник посетил мою кладовую ночью. Следов около дома и на крыше я не нашел.

Помочь мне могла только собака. Я выпустил ее на улицу и хотел позвать на чердак, чтобы она отыскала там следы разбойника. Собака выскочила на улицу, обнюхала наше крыльцо, дорожку около крыльца и понеслась в лес. Сколько раз она вот так подводила меня к лесу. Покажешь ей след зверя, скажешь: «Ищи, ищи», но собака бросится искать совсем не то, что надо. Я прощал ей необдуманные поступки: она была молодая. За кем помчалась она сейчас? Наверное, это горностай, который посещал наш дом и охотился по ночам за мышами.

«Скоро вернется, — решил я, — горностая ей не достать из норы». Далеко на краю осинника, около еловой чащи, я услышал далекий лай собаки. Лай не затихал. Я ждал, что собаке надоест гонять зверька и она скоро вернется. Но не тут-то было — она лаяла азартно, и я пошел в лес.

Там я увидел высокую дуплистую осину. На осине никого не было, но собака сидела под этим деревом, смотрела наверх и звонко лаяла.

Может быть, кто-то сидит в дупле? Я взял палку и постучал по гнилому стволу. Из дупла никто не показался. Я постучал еще громче, и тут из дупла выглянула небольшая бурая головка с короткими ушами и маленькими злыми бусинками глаз. Куница. Как она попала сюда? Ягод в этом году мало, поэтому рябчики и тетерева улетели. Что делать кунице там, где нет ни рябчиков, ни тетеревов? Правда, куница не прочь поохотиться и за мышами, но мышей тоже мало.

Я еще раз стукнул по осиновому стволу, куница выскочила из дупла, стрелой взлетела до вершины осины и одним прыжком оказалась на высокой густой елке. Там зверек затаился. Я отвел собаку в сторону.

После неожиданной встречи с куницей я почти забыл о воришке, который забрался на чердак. Прошла ночь, наступил новый день; и утром, как всегда, поднявшись на чердак, чтобы взять немного рябины, я увидел, что ее снова кто-то раскидал. Я только поднял голову к потолку, где на шесте висели гроздья сочной рябины, как кто-то быстрый и темный метнулся по шесту к щелке под крышей и, юркнув в

Рис. И. Кошкарева

щель, исчез на улице. И тут же раздался громкий лай собаки.

Я спустился с чердака, отошел от дома, чтобы посмотреть, на кого лает собака. На крыше я увидел нашу знакомую куницу. Так это куница посещала наш склад и воровала рябину! Наверное, она охотилась и на мышей, которые жили в доме. Что ей еще оставалось делать, когда в лесу наступили голодные времена.

На крыше куница просидела до вечера, зло посматривая по сторонам. Вечером, когда я забрал в комнату собаку, воришка сбежал в лес. Но ночью снова наведался к нам.

Наш чердак куница посещала долго. Она приходила по ночам и, как бы я ни закрывал двери и окна, как бы ни затыкал все щели, все равно пробиралась к рябине и всю ночь пировала на славу. Только теперь она не отваживалась больше задерживаться долго. До рассвета куница уходила в лес и отлеживалась там в осиновом дупле до нового ночного похода.

ЛЕСОВИК

Сегодня, придя из школы, я предложил товарищу пойти покормить уток.

Когда мы спустились с горы, то увидели озеро. Озеро было почти все замерзшее, только на середине кое-где оставались большущие околонки, в которых сидели тощие утки.

Спустя несколько минут утки уже ели корм, принесенный нами. Они с удовольствием покрякивали, как будто благодарили нас за помощь.

Мы пошли дальше по озеру, надеясь еще встретить уток. Вдруг подо мной что-то треснуло, и я по пояс ушел в холодную, ледяную воду. Володя помог мне выбраться. Я все скинул с себя и выжал воду. Мне было холодно. Но что там холод по сравнению с делом, которое мы с достоинством сделали.

Летом, когда я пойду на озеро, там будет красиво-красиво. А из зеленых камышей будет доноситься кряканье уток, им они станут как бы благодарить человека, который в трудный час не оставил их в беде. И я прошу вас, если кто-нибудь увидит замерзающих или голодных уток или других птиц, не проходите мимо, дайте им хлеба или какого-нибудь другого корма. Не оставляйте в беде птиц — верных друзей человека.

Ярослав ТРАЧ

г. Подгайцы, УССР

Сегодня я расскажу вам грустную историю.

Ранним утром я отправился в лес. Как и всегда, я пошел к своим кормушкам, чтобы выложить птицам и белкам угощение. Но на полпути обнаружил небольшой покоп. Кто-то проделал в ледяной корочке отверстие величиной с ладонь взрослого человека, потом разбросал в стороны снег, добрался до земли и, наверное, там что-то нашел — сверху остались смерзшиеся кусочки земли и прелый лист орешника.

Недавно кто-то шел впереди меня и разыскивал под снегом не то орехи, не то желуди, не то оставшиеся с осени грибы.

Сначала мне показалось, что это была лиса, которая выкапывала мышей, но покоп для лисы был слишком деликатный — лиса раскопала бы снег куда как шире, чем этот зверек. Может быть, мышь копалась здесь? А зачем ей раскапывать снег, когда у мышей давно проложены в снегу разные ходы, по которым они добираются куда захотят. Кто же это? Вот тут-то и произошло грустное событие. Кто-то очень быстрый и ловкий выскользнул из еловых ветвей, промелькнул моментально среди кустов орешника и, кого-то схватив, так же легко и быстро поднялся вверх и скрылся в еловых ветвях.

Я громко закричал, но хищник даже не пошевелился. Тогда я подошел к елке и ударил по стволу толстой палкой. С вершины елки сорвалась большая птица и, ловко лавируя между стволами и ветками, скрылась в чаще.

Но для совы птица была слишком велика, а по сравнению с филином у хищника было поуже и подлиннее туловище. Кто же это? Я не успел разглядеть ни формы крыльев, ни цвета хищной птицы. Но хорошо запомнил, как ловко птица бросилась к добыче и как бесшумно скрылась.

Кого же поймал пернатый охотник? Я подошел к тому месту, куда бросилась хищная птица, и увидел только что начатую ямку в снегу. Совсем недавно здесь начал копать свою ямку небольшой зверек, тот самый, чьи покопы я только что встретил. Но зверька не стало.

Грустный, я вернулся домой, так и не разгадав до конца всю лесную трагедию. Кто же был участником ее? Помогите мне, ребята, ответить на этот вопрос.

СЛЕДОПЫТ

Здравствуйте, мои дорогие друзья.

Встретила я сегодня с утра пораньше около дома и мышей, и синиц, и ворон. И конечно, тут не обошлось без занятных приключений.

Только я полетела к Шарику, чтобы посмотреть, окончил ли он свой завтрак — ведь после завтрака Шарик всегда разрешает мне покопаться в его миске, — как услышала громкий разговор двух людей.

— Ты подумай — опять эти мыши добрались до сала. Вот и вчера повесила сало на веревку к потолку, а сегодня пошла посмотреть: так и есть, опять обгрызли кусок в нескольких местах.

— А ты бы в чулан на ночь кошку сажала.

— Да сажала я и кошку и кота, а что толку: все равно не помогает.

Только хозяйки окончили свой разговор и разошлись от колодца по домам, как на крыше дома я увидела двух желтогрудых птичек. Две маленькие синицы одна за другой, юркнув под крышу, оказались в сенях, а из сеней через небольшую щелочку проскользнули в чулан. Я притаилась и стала наблюдать за птичками через маленькое окошечко в чулане. Без шума, без драки вспорхнули они на сало, которое висело под потолком, и, уцепившись лапками, принялись его быстро, быстро долбить.

Тут скрипнула дверь, и в сени вышла та самая хозяйка, которая жаловалась на грабителей. Она вошла в чулан и всплеснула руками: «Ну вот, опять забрались. И надо же, среди бела дня грабят эти мыши». Я думала сначала, что хозяйка

наконец заметит, кто ворует у нее сало, но синиц нигде уже не было. Да, да, они будто сквозь землю провалились.

Хозяйка ушла, причитая и грозя мышам, а откуда-то сверху на сало опять опустились синицы. Оказывается, эти птички никуда и не улетали, а как только услышали шаги, так тут же, как самые настоящие мыши, бросились в стороны и притаились, но только не на полу, а под потолком. Я еще немного посмотрела через замороженное стекло за воришками. Помогите мне, мои дорогие друзья, разобраться во всем происшедшем. Жду ваших писем.

В ноябре лесоводы продолжают сбор семян липы, ели, сосны, ольхи, облепихи, акации белой, можжевельника. Еловые и сосновые шишки удобнее собирать на лесосеке с лежащих деревьев.

В ноябре начинают готовить к посеву семена ясеня обыкновенного, ольхи, черемухи, липы, шиповника. Для этого одну часть семян перемешивают с тремя частями чистого речного песка или просеянной торфяной крошки. Смесь увлажняют так, чтобы при сжатии в руке она сохраняла форму, не рассыпалась, и помещают в деревянные ящики высотой не более 30 сантиметров. В боках нужно сделать отверстия. Ящики ставят в погреб или в подвал на подкладки из брусков. Каждые две недели необходимо тщательно перемешивать смесь и увлажнять ее до нормы.

Если семена проросли раньше срока, ящики нужно поместить под снег или поставить на ледник.

Когда выпадает первый снег, начинают поздний посев семян березы. Почву подготавливают до морозов. Ее тщательно разрабатывают, очищают от сорняков, обозначают посевные бороздки колышками по краям гряды, на которые можно будет натянуть шнуры. Семена смешивают с двумя объемами сухого песка и высевают прямо по снегу.

В ноябре пора начать подкормку зверей и птиц в лесу и в парке. Полезно подкормить и зайца-беляка. Зимой заяц питается корой и почками осины, ивы. Ветки этих деревьев нужно положить небольшими кучками. К стволам деревьев можно привязать пучки сена.

Лоси сена не едят. Зато олени и косули от него не откажутся. Для них нужно оставить в лесу небольшие стожки лесного сена или положить его в специальные кормушки — ясли с крышей.

Все звери нуждаются в соли. Для них устраивают искусственные солонцы. Куски каменной соли кладут в корытца, которые выдалбливают в стволах поваленных ветром деревьев или в торцах пней. К солонцу будут приходить не только лоси, олени и косули, но и зайцы.

Облик ноября пестрый. Черная тропа, снег, «зебровый ландшафт» и, наконец, великолепный белый покров — первопуток. Назначение ноября — соединять глубокую осень с устойчивой зимой. В научной фенологии этот период называют предзимьем, когда живая природа окончательно подготавливается к суровым испытаниям в длительном сезоне холодов. По-народному, ноябрь «зиме — родной батюшка», зазимье — время первых морозцев, порош и легкого снежка.

Сыреющий, нетвердый, серовато-бледный снег опятнал дол, изукрасил нахохленные деревца по овражкам. «Первый снежок — не лежок», будто на побывку прибыл: полежал считанные дни и стаял. Но, пропадая, он унес с собой и остатки приземного тепла. Теперь гонцам зимы — морозцам — раздолье. Завыли свежие ветры, холодят остывающую землю. Настает слякоть зазимья, моросят затяжные дождички пополам со снегом. Волны холода сменяются робким солнцегреем, угасающими порывами осени.

Приятна в пору предзимья встреча со снегирями. После стаявшего снега, когда едва-едва начинает подбирать сырость и солнце из-за облаков лишь на минуту выглядывает, кто ж, как не снегирь, пленяет любознателя природы и яркостью оперения, и флейтовой песенкой! «Рюм-рюм-рюм», — скрипуче играет живая флейта.

Снегирек-петушок в черной шапочке на затылке, на его плечах и спине наброшена светло-серая накидка, спереди и совсем праздничен — малиновым жаром отливает киноварно-красная манишка. На крылья и хвост натянут блестящий черный фрак. Снегурушка одета куда как скромнее: вместо красных тонов предпочитает бурые и серые, черные перья без блеска. Почти воробью под стать. Но снегурушка не унывает, она и в простеньких нарядах привлекательна.

Вот румяные птички снялись с куста и, плавно скользя в воздухе, подались на пустырь. В зарослях лебеды и крапивы остановка. Здесь надворные постояльцы столовую облюбовали, в меню — обширный набор семян сорных трав. Черный, коротКий, вздутый к основанию клюв ловко расправляется с вегетарианским блюдом — попусту не растрясет спелые семена. С плодами дело другое. Иной раз под рябинами после снегириного пиршества весь снег закраснеется: семена проглочены, а раздавленная мякоть выброшена. Не глотают снегири целиком и ягоды «северного кипариса» — можжевельника. Когда снег завалит сорняки, а нужных плодов поблизости не окажется, неизбалованные таежники и древесные почки аппетитно поклюют. У зимы рот велик.

В борах объявились щуры. Их любимое лакомство — черные ягоды можжевельника, которые птицы глотают, не разминая, да еловые почки и семена. Щур ростом со скворца, старые петушки малиновые, самочки и молодежь — розовато-желтые, с пестринками. Вслед за щурами прибудут коренастые клесты. Из-за крючковатого клюва клеста легко отличить от других лесных птиц.

Ноябрь проводит за синь-моря последних пернатых странников — уток и чаек. До ледостава не покидают они милые края, и только бескормица понуждает их к дальним землям. Зато весной они одни из первых вернутся на родные гнездовья. Так уж заведено в птичьем мире: кто позже отбывает вдаль, тому и раньше возвращаться обратно.

Северо-восток — вот откуда приходит наша зима. Взлелеянная метелями, седая чародейка окрепла там, набралась сил для дальнего пути. И хотя уроженцы Атлантики и Средиземноморья — циклоны не раз будут еще подбивать ее на потепление, зима упрямо берет свое: остужает воздух и землю.

КАПРИЗНЫЕ НОВОСЕЛЫ

Есть одна очень излюбленная тема у писателей-фантастов — путешествие на «машине времени». Одних влечет в глубины веков простое любопытство, другому хочется вместе с Колумбом открыть Америку, третий во что бы то ни стало желает поохотиться на первобытных чудовищ. Но ни одному путешественнику на «машине времени» не пришла в голову простая мысль: заинтересоваться стадами диких животных. Между тем далекие предки столь знакомых нам свинушек и буренок представляют огромный интерес для современных животноводов.

Если бы путешественник в прошлое сумел доставить в наше время давно исчезнувших животных-дикарей, они ценились бы буквально на вес золота. Дикие, сильные, крепкие и неприхотливые животные послужили бы основой для выведения новых пород особо выносливых быков, свиней и овец.

Кстати, путешественник на «машине времени» мог бы точно узнать, когда именно и какое животное человек впервые сделал домашним. Сейчас насчет этого существует не менее двенадцати теорий. Но все же считают, что раньше всего человек сделал домашними коз и овец и лишь значительно позднее быков и лошадей. Во всяком случае, точно известно, что в Средней Азии за две с половиной тысячи лет до нашей эры уже пасли стада овец. Зоолог Борис Игнатьев из города Умани пришел к выводу, что даже человек каменного века смог бы приручить овцу. Потому что овца близорука! Взрослые овцы, как выяснилось, поголовно страдают близорукостью, и очень сильной. К тому же и слышат плохо. Вот они и рады были, когда нашли себе покровителя и защитника — человека.

Много веков человек заботился о своих домашних животных. Выискивал лучшие луга и поляны с сочной травой, готовил ароматное сено, потом начал строить силосные башни и целые заводы комбикормов. Своих четвероногих питомцев человек укрывал от зноя и мороза, молоденьких телят даже в избу тащил согреваться. И получилось так, что современные коровы, птицы и свиньи приносят нам огромное количество молока, яиц, мяса, но зато стали большими неженками. Такими их сделал сам человек. Пользуясь тысячи лет человеческой заботой, телята, поросята, даже богатырские быки утратили ценные свойства своих диких предков — выносливость, неприхотливость к корму, естественную сопротивляемость организма многим болезням.

Давайте заберемся с вами на высокогорные пастбища Средней Азии. Там мы встретим косматых черных или бурых яков. Удивительно неприхотливые создания. Они замечательно приспособлены для суровой жизни на снежных горных вершинах. Крепкое копыто с острым выступом не скользит на самых крутых склонах. Хорошо развитое сердце переносит любое поистине альпинистское восхождение. Жить на высоте трех-пяти тысяч метров над уровнем моря для них вполне привычно. Телята-якята рождаются под открытым небом и уже через пару часов бродят рядом с косматой мамашей. Молоко яков обычно вдвое и втрое жирнее коровьего. Правда, дают они его не так уж много. Сейчас животноводы Киргизии думают серьезно и планомерно увеличивать стада яков. Ведь высоко в горах, близко к снежным вершинам, еще много подножного корма, но даже овцы отказываются забираться и жить так высоко.

Конечно, яки — это исключение среди наших домашних животных. О всех других приходится заботиться буквально день и ночь. Вспомните, что речь идет о миллионах живых существ! Миллионах!.. На птицефабриках и огромных механизированных фермах мы собираем под одной крышей тысячи животных. Как лучше содержать, кормить и поить всех этих телят, поросят, цыплят, коров и быков? Это проблема, внутри которой заключены буквально тысячи головоломных вопросов. На многие из них до сих пор нет ответа. Одна только курочка-ряба способна задать нам десятки задач. Судите сами.

Перед нами современный птичник. В нем десятки тысяч птиц. И начнем мы с самой что ни на есть мелочи — с пылинки. Пыль... Куриное население бывает спокойным, только когда спит. В остальное время оно поднимает пыль столбом. Выбивает ее с подстилки и с собственного тела. А пыль вовсе не безобидна. Серый налет забивает дыхательные пути, в пыли охотно размножаются болезнетворные микробы. Куры особенно цыплята, болеют. Но как бороться с пылью? Поставить мощные вентиляторы, чтобы они выдули всю пыль до последней пылинки? Пробовали. Установили вентиляторы. Включили мощные воздуходувы. Через час наведались к своим питомцам. О ужас — все они нахохлились, корм клюют вяло, притихли, глаза закатили. В чем дело? Не учли, что на дворе июль. Вентиляторы подавали в птичник слишком жаркий воздух. К тому же под лучами летнего солнца крыша и стены раскалились. И сами несушки выделяют тепло. Вот и получилось внутри куриной квартиры на десять-пятнадцать градусов больше, чем надобно ее обитателям. Перегрелась курочка-ряба, не выдержало ее куриное сердечко. А включи мы те же вентиляторы зимой — опять жди беды. На холодном сквозняке курица замерзнет. И получается — начали с крохотной пылинки, а пришли к тому, что надо внутри огромных птичников создавать искусственный климат: надо ставить электрические термометры, приборы, измеряющие влажность воздуха и сообщающие, сколько в птичнике кислорода. Приборы должны автоматически включать и выключать вентиляторы, обогреватели, охладители. Вот так скромная курочка-ряба потребовала для себя мощную и сложную технику.

Многие птицефабрики нашей страны уже оборудованы такими системами искусственного климата. И птичье племя откликнулось на новшество тем, что больше стало нести яиц, быстрее нагуливать нежное мясо.

Впрочем, возникла и новая забота. Все машины искусственного климата обязаны работать совершенно бесперебойно. А то однажды случилось так. Белка забралась в электроподстанцию птицефабрики и устроила там короткое замыкание. Прекратилась подача электроэнергии. Всего лишь два часа не работали вентиляторы и подогреватели, а погибло три тысячи цыплят. Вот какая печальная история получилась из-за одной белки. Выходит, механизмы и приборы, что помогают человеку ухаживать за миллионами цыплят и кур, должны быть особо надежными.

Итак, обеспечили мы птичьему населению свежий воздух, да еще подогретый или охлажденный, точно по заказу самой птицы. Можем считать, что все сделано? Ничего подобного. Заботы только начинаются. Зададим такой вопрос. Что лучше для цыплят — весна или лето? А для курнесушек? Что для них желаннее, какое время года? Ответ кажется яснее ясного. Хорошо известно, что больше всего яиц курица откладывает весной. Значит, надо обеспечить курице-несушке кругло-

Рис. Е. Позднева

годичную весну. А цыплята любят лето. Летом желтый пушистый шарик быстро превращается в задорного голенастого цыпленка.

Итак, для кур — весну круглый год. Для цыплят весь год — сплошное лето. Задача вроде невыполнимая и даже странная. Но вспомним, что теперь птиц мы держим в помещениях целыми сутками, а то и круглый год. В закрытом помещении весну и лето создать не так уж трудно. На Красногорской птицефабрике под Москвой решили устроить молодым курам искусственную весну.

Переоборудовали один птичник, полностью затемнили окна, зато установили лампы дневного света. Вначале давали полный свет восемь часов в сутки, затем постепенно добавляли по нескольку минут каждый день. Одним словом, совсем как весной, когда все длиннее и длиннее становятся светлые денечки. И что же? Искусственная весна действительно понравилась курице-молодке. Она стала приносить на три-четыре десятка яиц больше обычного. А вот курам повзрослее такая весна не понравилась. Им каждый день подавай лето — длинный светлый день. У них насчет освещения одни вкусы с малыми цыплятами.

Вот какие капризы и причуды у наших хохлаток. Не так просто и накормить птицу. Мало заготовить вдоволь кормов. Надо еще призадуматься, когда этот корм давать, когда побольше, когда и поменьше.

Кормами зря разбрасываться не годится. Знаете, что сказали по этому поводу утята: «Кормите нас ритмично». Дело в том, что молодые звери и птицы растут не равномерно, а волнами, в определенном ритме, то быстрее, то медленнее. Волна роста, к примеру, у телят — двенадцать дней. В Оренбургском сельскохозяйственном институте занялись утятами. Оказалось, что у них волна роста — десять дней. Но какую практическую пользу можно извлечь из этого теоретического открытия? Решили, что если кормление утят подладить к ритму роста, то можно при том же общем количестве корма ускорить рост утят. Попробовали. Пять дней утята получали корма больше, пять дней — меньше. В точном соответствии с волнами роста. Каков результат? Ритмично вскормленные утята и весили больше, и лучше развивались, и быстрее нагуливали мясо.

Кстати, так же ритмично утята потребляют кислород. Быть может, и в этом откроется возможность воздействовать на их развитие?

До сих пор мы говорили о птицах. Миллионы, миллиарды яиц — вот с какими цифрами имеет дело современный птицевод. Но все же курица или утка — существо небольшое по размерам. С нею обращаться довольно просто. Недаром на автоматизированных птицефабриках один рабочий управляет механизмами, которые обслуживают десять, двадцать, даже тридцать тысяч кур. Другое дело — коровы и свиньи. Все им надо, как цыплятам и утятам: и свежий воздух, и искусственное солнце, если естественного не хватает. Только с крупными животными все проблемы становятся крупнее. Вот, к примеру, каждый знает старинное правило гигиены — держи ноги в тепле, голову в холоде. Такое правило вполне годится и для коров. Дело в том, что жарким летом коровники надо усиленно вентилировать. Свежий, холодный воздух очень нравится коровам, и они немедленно начинают больше давать молока. Но корова не цыпленок. Сколько кубометров воздуха ей понадобится? Создавать искусственный климат во всем коровнике — слишком дорогая затея. Поэтому попробовали охлаждать корове только голову и шею. Корова, желая прохладиться, сама засовывала голову в большой короб, через который продували воздух, охлажденный до пятнадцати градусов. В самом коровнике в это время жара была тридцатиградусная. И что же? Коровы, имеющие возможность время от времени охлаждать себе голову, давали молока на пятнадцать процентов больше, чем их соседки, которые млели от жары.

Вот и выходит, что мы должны не просто ухаживать за нашими коровами, утятами, курами и поросятами. Не просто вовремя кормить и поить их. Нет, мы должны совершенно точно знать, что нравится им, что не нравится. Какие законы управляют их ростом, развитием, самочувствием. И тогда животные отплатят нам сторицей. Ведь уже сегодня они приносят нам миллиарды яиц, миллионы тонн молока и мяса.

Б. КЛАВДИН

ПРАЩУРЫ ФЛОРЫ

Зеленый МИР

Лишайники. Их встретишь в лесу — на земле, коре и ветвях деревьев, — на старых заборах, крышах, на камнях. Форма у них самая различная. То это стелющиеся пластинки с изящно и причудливо изрезанными краями, то ветвистые кустики или свисающие с ветвей бородатые плети. Иногда это трубочки с расширенными в виде граммофона верхушками. А нередко, особенно на камнях, лишайники имеют вид бугорчатых, зернистых скоплений или порошкообразных корочек.

В обыденной жизни их часто называют мхами, хотя с ними они не имеют ничего общего. Мхи — более организованные растения, у них есть стебли, листья. Правда, иногда они, как печеночный мох маршанция, растут в виде пластиночек, но всегда зеленых. Существуют мхи всегда самостоятельно и образуют сложные органы размножения.

Лишайники — это небольшая по числу видов, но очень своеобразная группа растений. Тело лишайника в основном состоит из гриба. Нити его мицелия (грибницы) сплетаются в плотную бесцветную ткань. Если осторожно соскоблить наружный слой лишайника, так называемую «кору», то среди грибных нитей можно увидеть водоросли, чаще всего одноклеточные зеленые, а иногда и сине-зеленые, как нитчатая водоросль носток.

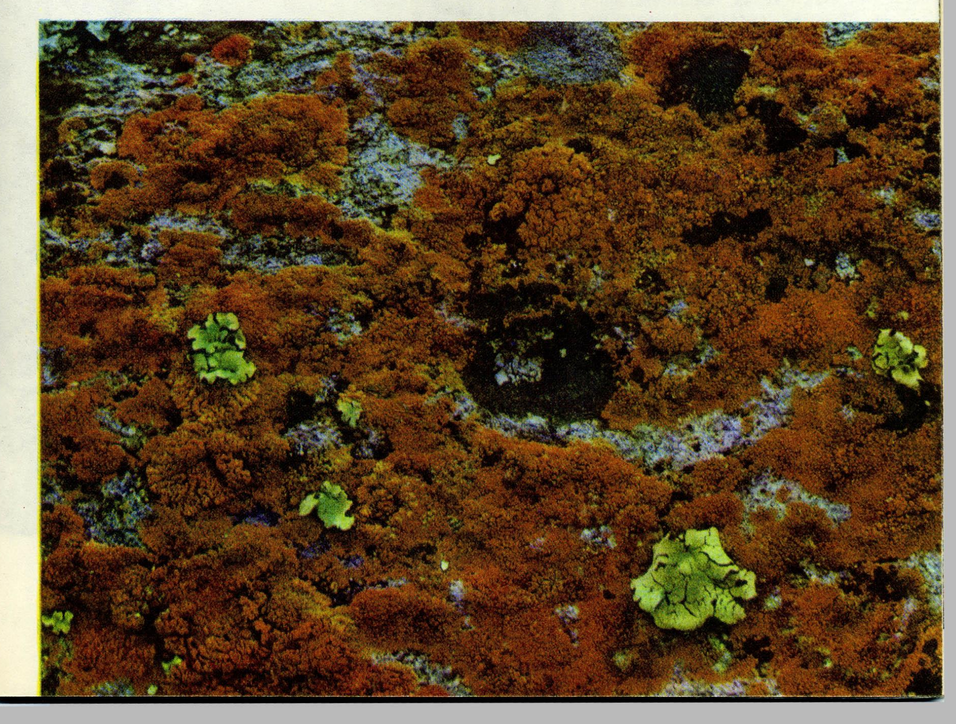
Окраска лишайников чрезвычайно разнообразна. Они редко бывают ярко-зелеными, скорее лишь зеленовато-серыми, но чаще коричневыми, сероватыми, желтоватыми, оранжевыми и красноватыми. Все зависит от лишайникового пигмента, который откладывается под «корой» в теле лишайника. А зеленоватый оттенок придает растениям хлорофилл, который содержат водоросли.

Каковы же взаимоотношения гриба и водоросли?

Грибу нужны органические вещества, сам он их образовать не может. Их готовят для него водоросли. Но нередко грибы становятся хищниками. Под микроскопом часто можно видеть в теле лишайника слои отмерших водорослей, в клетки которых вросли грибные нити. Но где-то рядом всегда есть живые водоросли.

Симбиоз — довольно распространенное в природе явление. В лишайнике жизнь гриба и водоросли особенно зависит друг от друга. Гриб отдельно существовать не может. Если грибница, выросшая из споры, не встретит водоросли, гриб лишайника отмирает. Встретив же водоросль, нити гриба обрастают ее со всех сторон, и она оказывается как бы у гриба в плену. Водоросли же могут жить самостоятельно.

Лишайники выработали и свой способ размножения. Нередко по краям слоевища лишайника можно видеть порошкообразный налет. Рассмотрев его в микроскоп, заметишь, что это скопление нитей гриба, среди которых есть и одна-две

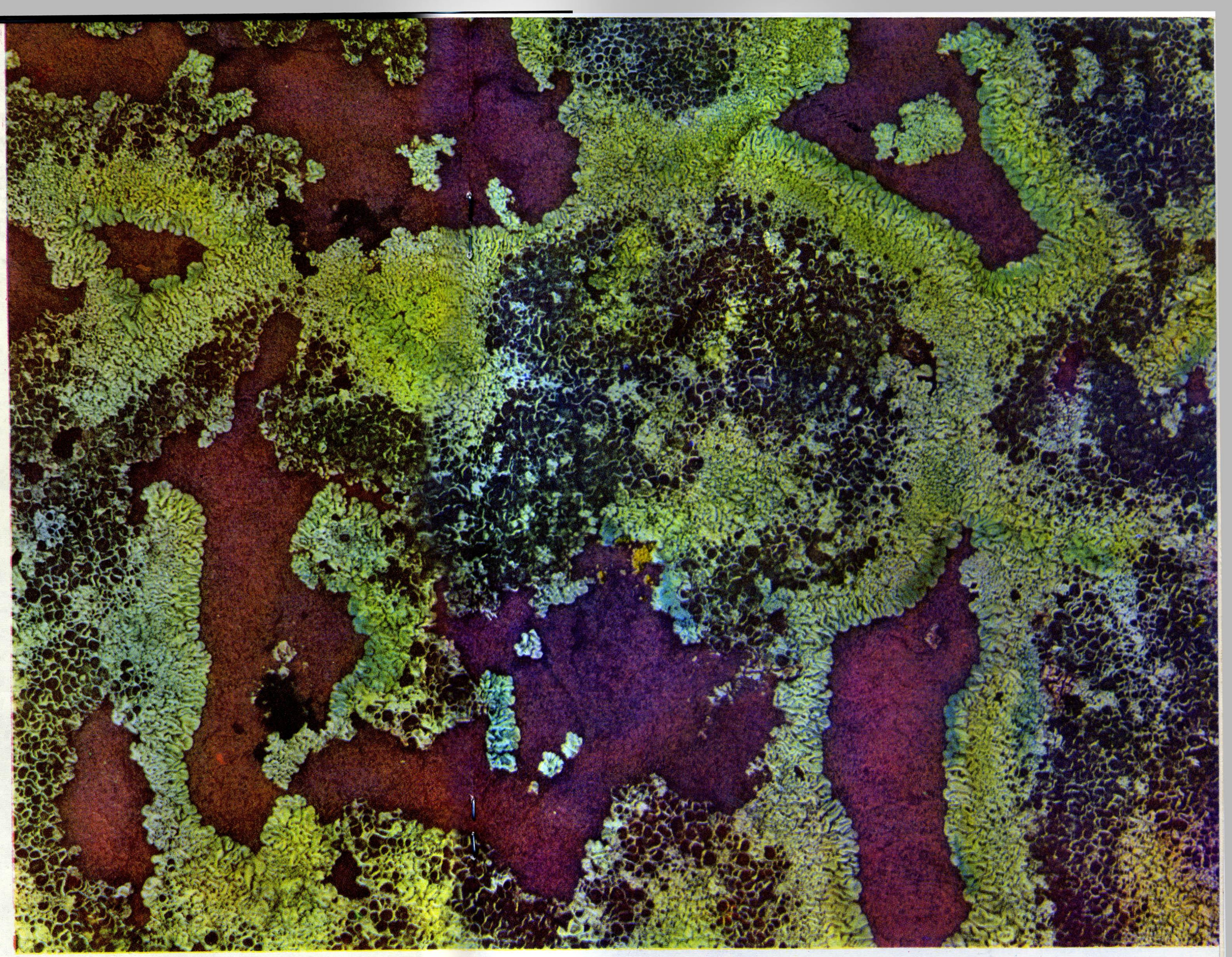
клетки водоросли. Подсыхая, эти комочки отваливаются, подхватываются ветром и разносятся в разные стороны. После дождя комочек начинает расти и через некоторое время дает начало новому слоевищу лишайника. Благодаря дружбе гриба и водоросли лишайники смогли заселить такие места, которые недоступны отдельно ни для гриба, ни для водоросли.

Лишайники называют «пионерами растительности». Они первые поселенцы на камнях, оголенных почвах, вулканических извержениях.

Поселившись на безжизненных местах, растения выделяют особые, «лишайниковые», кислоты, растворяющие бесплодные скалы, и усваивают минеральные соли, которые недоступны другим организмам. Отмирая, лишайники перегнивают. И на образовавшейся почве селятся другие растения — мхи, папоротники, а затем и различные цветковые.

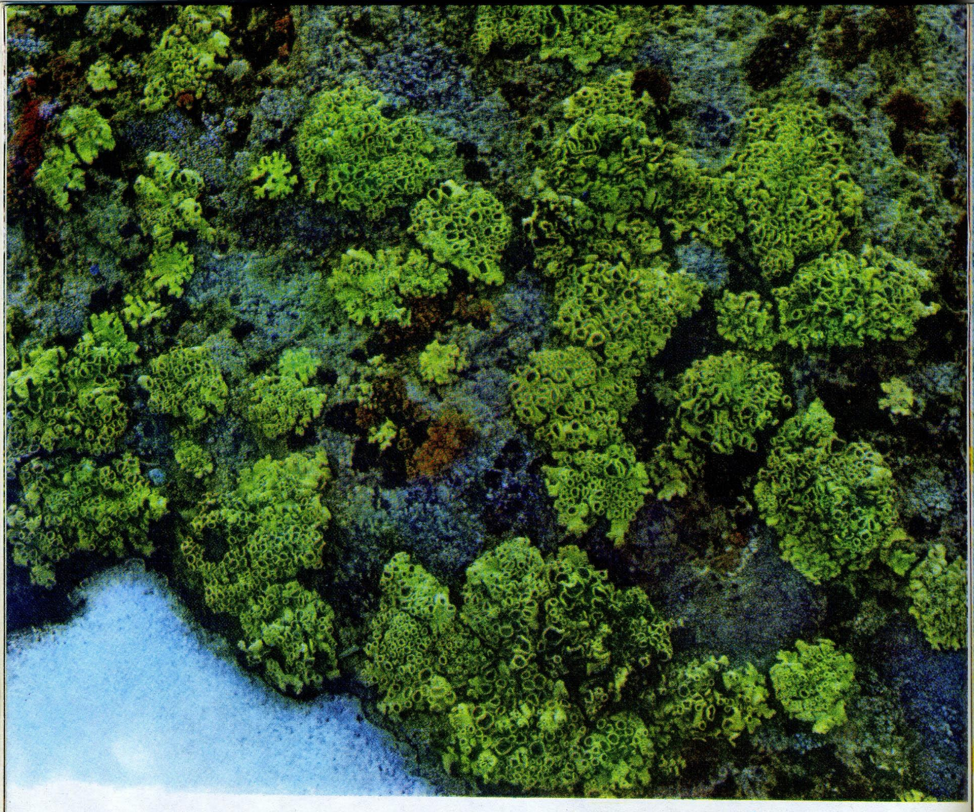
Лишайникам нужно немного питательных веществ. Растут они очень медленно — нарастают в год на один-пять миллиметров. Вместе с тем они чрезвычайно выносливы. В тундре лишайники легко переносят пятидесятиградусные морозы, а в пустынях Африки и Азии — шестидесятиградусную жару.

Кладонии, исландский лишай — обитатели наших сосновых лесов — летом так сильно пересыхают, что от одного лишь прикосновения распыляются в порошок. Но пройдет дождь или выпадет роса, и казалось бы, безжизненный порошок, словно легендарная птица Феникс, возрожденная из пепла, оживает!

В сухом лишайнике происходит обезвоживание тканей, замедляются все жизненные процессы. Лишайники как бы впадают в состояние анабиоза, своеобразной спячки. Впервые двойственную природу этих растений установили русские ботаники — академик А. С. Фаминцын и О. В. Баранецкий. Они вымачивали в воде слоевище лишайника стенной золотянки. Гриб вскоре загнил, и в воде плавали лишь водоросли, освободившиеся от лишайника. Они самостоятельно жили, размножались делением клетки и образовали подвижные зооспоры.

Затем другие ученые доказали, что из споры лишайникового гриба тело лишайника может развиться лишь в том случае, если в культуру грибницы внести соответ-

ствующую водоросль. Так была окончательно доказана двойственная природа лишайников.

Роль лишайников для человека не так велика, как других растений, но и немаловажна.

В тундре лишайники — основной корм для оленей. А во многих местах на Севере некоторыми из них кормят скот. Для этого лишайники сначала вымачивают в воде, удаляют различные горечи и кислоты, а затем дают их животным. В лишайниках накапливается близкий к крахмалу углевод — лихенин, сахар. В этом и состоит их питательная ценность. Лишайники из рода эвернея, которые растут у нас на ветвях деревьев, употребляют в парфюмерии.

В пустынях Африки встречается лишайник леканора. Он растет в виде небольших буроватых комочков. В сухую погоду их подхватывает ветер и переносит на большие расстояния, где они выпадают в виде своеобразного дождя. Это дало повод для создания библейской легенды о «манне небесной», падающей с неба.

Разнообразные по форме, окраске, величине лишайники очень интересны для наблюдений. Не менее интересно собрать коллекцию этих растений. Заложенные обычным способом в гербарий, лишайники сушатся очень хорошо.

Особенно красочны накипные, или корковые, лишайники. На одной из фотографий (стр. 26) изображен камень, обросший этими лишайниками, — по краю они оранжевые, в середине красноватые с серовато-зелеными пятнами пластинчатого лишайника.

Несмотря на неприхотливость, каждый вид лишайника заселяет только те места, которые ему нравятся, более подходят. Это либо камни, либо скалы, либо деревья.

На других фотографиях лишайники — жители скал. Хорошо видны плодовые тела лишайникового гриба — в виде блюдец.

Л. КУДРЯШОВ,
доктор биологических наук

Там, где бурлит Нил

На картах озеру Кьога не везет. Хотя оно занимает довольно большую площадь — 2,6 тысячи квадратных километров, картографы обычно про него забывают. А вот более мелкие озера — Эдуард, Георга — обязательно наносят. Причиной тому — несуразная конфигурация берегов Кьога. На более подробных картах Кьога напоминает не то огромный голубой коралл, не то ветвистые рога лося.

Обезвоженное полноводным Нил-Сомерсетом озеро Кьога не превышает пяти метров глубины. Местами оно превратилось в топкое болото, по обнаженным берегам которого видны ленточки черной почвы — бывшее дно, еще совсем недавно скрытое водой.

Три часа переправлялись мы на катерке с северного на южный берег Кьоги. Это путешествие было скорее не по воде, а по зарослям влаголюбивой растительности. Озера не видно: оно сплошь покрыто тростником и метелками папирусов. Рыбаки и матросы расчищают протоки для своих судов, но через два-три дня, если по ним не пройдет лодка, зелень вновь смыкается над водной гладью. Когда с озера Виктория начинает дуть сильный ветер, а это случается часто, гниющий папирус, ветки деревьев и водоросли приходят в движение, закрывают старые протоки, в самых неожиданных местах образуют новые. Здесь нет постоянства. Плавать среди этой динамичной массы воды и зелени сущий ад.

Но для пассажира, не вникающего в лоцманские проблемы, самое страшное здесь, конечно, комары. Как только садится солнце и красноватый закат подернет розовым светом метелки папирусов, из зарослей вылетают армады кровожадных созданий, от которых нет спасения. Правда, говорят, рыбаки племени бакеди, днем и ночью бороздящие Кьогу на своих плоскодонных пирогах, открыли оригинальное средство против этих «вампиров». Они обмазывают тело золой, полученной от сжигания эвкалипта.

Второе место после комаров по плотности населения на Кьоге, бесспорно, занимают птицы. Корма — и насекомых, и рыбы — здесь хоть отбавляй. Несметное количество пеликанов, цапель, бакланов гнездится в этом болотном царстве. Но из всей пернатой братии выделяются лишь венценосные журавли и маленький проворный зимородок.

Венценосный журавль — птица с царственной осанкой. Журавль никогда не суетится, не лезет в драки и не ссорится с другими обитателями Кьоги. Осторожно ступая по плывущей подушке растений, он время от времени брезгливым движением отряхивает длинные лапы или, наклонив увенчанную оранжевой короной голову, выискивает в зелени пищу. От приближающихся людей он не улетает, испуганно хлопая крыльями, как это делает пеликан, и не разевает клюв, как баклан, который пытается «взять противника на испуг». Венценосный журавль медленно отходит, уступая дорогу, и, склонив голову, как бы говорит: «Пожалуйста, проходите».

Зимородок — полная ему противоположность. На Кьоге их множество — желто-оранжевых, с наполированными красными клювами и алыми лапками; иссиня-зе-

леных, с голубыми крылышками и желтым изогнутым носом; незаметных на вид, но одетых с необычайным вкусом в серебристо-белые перья.

Обычно эти крохотные птички сидят, словно цветы, на конце свесившегося над водой тростника, ожидая добычу. Потом неожиданно срываются, ныряют в воду и молниеносно появляются вновь, держа в клюве серебристую рыбку. Я ни разу не видел, чтобы зимородок нырнул зря.

Кьога имеет славу водоема, в котором живет чуть ли не самое большое в мире стадо бегемотов. И хотя условия для них здесь действительно прекрасные, мне не повезло. Лишь один раз среди тростников раздалось типичное для бегемота хрюканье, да брызги воды подсказали, что где-то над поверхностью высунулись две красные ноздри.

Кьога, наверное, уже давно бы вытекла через Нил-Сомерсет или испарилась, если бы не другой Нил, вливающий в него с юга воды озера Виктория. Эта река, известная под названием Виктория-Нил, связывает Кьогу с Великим африканским озером. Вливается она в Кьогу незаметно, под покровом все тех же папирусов и тростников и ничем не отличается от многочисленных заурядных проток. Я сначала даже не понял, что пароходик вошел в Нил, — так все было буднично, «по-кьогски». Катерок пристал к пристани у Мисанга, и, только найдя ее на карте, я догадался, что бьющаяся за бортом зеленоватая мутная вода — это Нил.

От Мисанга проселочная дорога бежит в самом центре своеобразного полуострова, образованного Нилом и Сесибва, — самым длинным, доходящим на юге почти до Виктории, заливом Кьоги. Там, где есть тропки, я все время сворачиваю влево, к Нилу. Он уже стал похож на реку — русло очистилось от растительности, обозначились берега. Низменные, они покрыты невысоким лесом, из которого лишь кое-где к реке наклонились стволы пальм.

Высокотравная саванна, покрытая трехметровой слоновьей травой, по мере приближения к Виктории все гуще зарастает деревьями — мувуле, масленичной пальмой, акациями. Крупных зверей здесь нет, зато поражает количество бабочек: десятки тысяч ярко окрашенных аполлонов, разных белянок, крупных темно-зеленых парусников. Обычно бабочек считают премилыми насекомыми, чистюлями, питающимися исключительно нектаром благоухающих цветов. Поэтому я был весьма разочарован, заметив, что здесь они предпочитали сидеть на навозе. Там, где остались следы недавно прошедшего скота, дорога была сплошь покрыта насекомыми. Когда мимо проносилась машина, бабочки разлетались, словно лепестки ярких цветов.

Утром на пароме, который переправляет машины и пассажиров через Нил, протекающий посредине Мерчисон-парка, только и было разговоров, что о недавнем необычном купании слонов. Как правило, они не заходят далеко в воду. Но на сей раз слоны решили устроить нечто вроде водных гонок и устремились вниз по течению, к озеру Альберт. Когда рядом с паромом, находящимся метрах в пятидесяти от берега, появилось около двух десятков слонов, среди пассажиров началась настоящая паника. Но слоны вели себя довольно мирно. Несколько раз наподдали паром, устроив небольшую качку, обдали пассажиров водой из хоботов и удалились. Дирекция парка, предвидя подобные случаи, установила на берегу плакат: «Помните, вы пользуетесь паромом на свой риск. Парк не несет никакой ответственности».

В два часа дня мы уже были на катере. Перед нами, словно на фантастическом гигантском экране, проплывали нильские берега, поросшие пальмами, колбасными деревьями, сейбами и тамариндами, под которыми лежали, паслись, пили воду сотни слонов и буйволов. Четыреста тысяч гектаров Мерчисонского заповедника — это кусок сухой, безводной саванны, и на водопой все звери тянутся к Нилу или озеру Альберт.

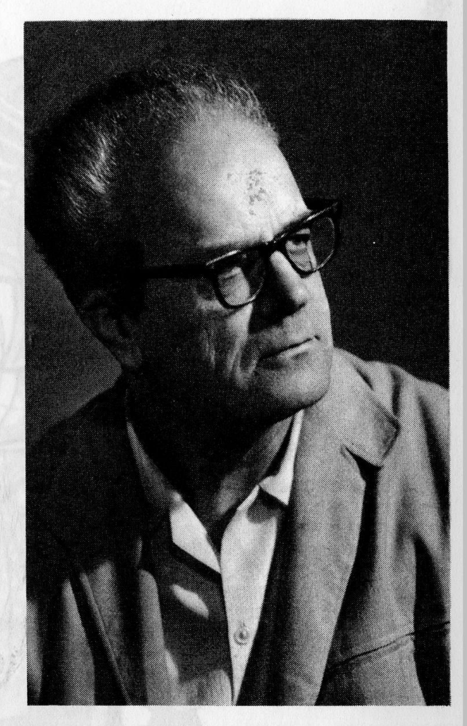
Мерчисонский водопад не чета замбийской Виктории. Его высота всего лишь сорок метров. Но в этом-то, наверное, и заключается его очарование. К Виктории страшно подойти: ее дикий рев пугает, фантастическая масса бушующей воды, кажется, вот-вот размоет землю, на которой вы стоите, сметет мост, увлечет вас в кипящий котел, где с изящной легкостью носятся многотонные глыбы базальтов. На Мерчисоне все спокойнее и как-то уютнее. Если смотреть на водопад снизу, с реки, его размеры кажутся вполне внушительными. Разлетающиеся во все стороны брызги круглые сутки орошают нависшие над Нилом горы, и кажется, что поток воды низвергается прямо из леса — вечнозеленого, буйного, таинственного.

Матросы катера, давая возможность пассажирам полюбоваться водопадом, несколько минут пытаются удержать суденышко на месте. Но напор нильской воды увлекает его вниз по течению. Катер разворачивается и теперь вдвое быстрее бежит обратно.

С. КУЛИК

Фото автора

Нашему другу — шестьдесят

В ноябре этого года писателю Борису Рябинину исполняется шестьдесят лет. С краеведческих очерков об Урале, опубликованных в 1935 году в журнале «Уральский следопыт», начался его путь в литературу. С тех пор Борис Степанович написал много книг. Всем вам, ребята, полюбились его книги «Мои друзья», «Рассказы о верном друге», «Вы и ваш друг Рекс» — о преданных помощниках человека — собаках. Широкий отклик читателей получили книги Бориса Рябинина «Человек должен быть добрым», «О любви к живому», посвященные благородной задаче воспитания в юных любви к живым существам, доброты по отношению к нашим «меньшим братьям».

Борис Степанович часто выступает на страницах нашего журнала со статьями и рассказами о природе, о наших верных четвероногих друзьях.

Борис Рябинин много ездит по стране. В его путевых очерках всегда звучит страстный голос патриота нашей Родины, которому дороги ее природные богатства.

Вместе с вами, дорогие читатели, мы поздравляем Бориса Степановича с юбилеем, желаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов.

Быстрая, как ветер

Иногда сравнивают эту собаку со стрелой, выпущенной из лука. Видели кинофильм «Война и мир»? Помните, как несутся по полю через осенние желтые перелески и ложбины за волком, распластавшись над землей и делая громадные прыжки, высоченные, длинноногие, остромордые собаки? Теперь такую охоту можно увидеть только в кино, а когда-то псовая борзая собака и травля ею зверя были обычными для русских просторов. Грозные псы, правда?

Наверное, к такой собаке лучше не подходить — разорвет или живьем проглотит... Ан и ошиблись! К человеку борзая настроена миролюбиво, можно подходить безбоязненно.

Русская псовая борзая — наша национальная гордость, во всем мире она ценится очень высоко.

Посмотрите, как сложена борзая — вся узкая, быстроходная. А как ступает! Залюбуешься! Спина как пружина, ноги мускулистые. Шерсть мягкая, волнистая или в крупном завитке.

Есть борзые афганские, английские. Кроме того, на Западе выведены крохотные борзые, с фокса, гладкие. Очень изящные, быстро бегают. Однако с нашими не сравнить.

Наши красивы, когда даже просто гуляют в поле. Гляньте: молниеносные повороты, стремительные воздушные прыжки... Чудо!

В Англии и некоторых других странах устраиваются собачьи бега. В них участвуют борзые. Они бегут за зайцем, но заяц этот не живой — механическая игрушка. За границей часто и тренируют борзых по искусственному зайцу, хотя псовой охоты на зайца там давно нет. Не стало ее и у нас.

Знаете, какая вышла история во время съемок «Войны и мира»? Выпустили собак на волка, а они не бегут и не ловят. В чем дело? Отвыкли. Пришлось их приучать к их же ремеслу заново.

Б. РЯБИНИН

Привет, привет, мои друзья! Да, это снова я, Мюнхгаузен. Вероятно, многих уже нисколько не удивляет мое появление здесь, ибо они помнят то необыкновеннейшее из моих приключений, в результате которого я покинул известную вам книгу и с тех пор прихожу сюда.

Сегодня я вспомнил это приключение в связи с тем, что в корреспонденциях, которые я получаю, меня часто спрашивают: что нужно сделать, чтобы узнать о новых приключениях Мюнхгаузена и его друзей?

— О мудрейший! Уйми поток слов своих и позволь сказать мне. Пора бы тебе знать, что дети — свет очей моих и великая радость. И никто лучше меня не умеет удивить их. Вспомни наши проделки с Волькой ибн Алешкой. И стоит вырвать лишь один волосок из моей волшебной бороды — и любой загадки как не бывало. Но не я, а сами Почемучки ответят на свой же вопрос.

Смотрите же внимательно. Раз, два... три!

— Браво, браво, Хоттабыч! Благодарю вас. И все же прошу дать мне возможность приступить к обязанностям ведущего заседание Клуба.

— Неблагодарный! Я же помог тебе...

— Не будем спорить и приступим к делу. Итак, я...

— Простите, уважаемый Мюнхгаузен. Все же позвольте мне первому сказать несколько слов.

— О добрый доктор, вы снова здесь. Похоже, в лесу не ломают ноги лосята, не болят животы у лягушек и всяких ваших зверюшек?

— Дело в том, уважаемый Мюнхгаузен, что с тех пор, как в лесу появились дети по имени Почемучки, я могу позволить себе присутствовать на заседаниях Клуба. Почему, хотите вы спросить? Отвечу письмами, которые прислали Почемучки.

На то он и зверь

Когда мы подобрали на дороге лисенка, он был совсем больной: с перебитыми передними лапками. Он ничуть не сопротивлялся от боли. Кормили его мы, лечили. Долго лисенок не выздоравливал. Но в один прекрасный день поднялся и встал на лапки. Назвали его Барсиком. Ну и шалун же он был! Но мы ему всё прощали. Летом взяли в лес прогуляться. Но Барсик совсем ушел. Так и не нашелся. На то он и лесной зверь, чтоб в лесу жить.

Валя ШУЛАЕВА

г. Новотроицк

Мишка

По весне Печора, как всегда, широко разлилась. Глядим — на крохотном островке два лосенка. А вода все прибывает. Папа и дядя повернули лодку и забрали лосят. Они промокли и дрожали. Мы укрыли их потеплей, напоили молоком. Но один лосенок, видно, очень простудился и не поправился. А другой, Мишка, выжил. Папа сделал для него загон во дворе. И все ходили на него смотреть. Лосенок вырос и стал гулять по поселку. Он никогда никого не трогал. Даже в лес ходил и возвращался. А теперь все же ушел насовсем. Но когда видит людей, не убегает, а, наоборот, подходит. И охотники Мишку знают.

Вера ЧУПРОВА

пос. Новый Бор,
Коми АССР

Проказник Яшка

В начале лета возвращались мы с рыбалки. Тропинка шла лесом. Внезапно из травы, прямо из-под наших ног, выскочил зайчонок. Бежал он очень тихо, сильно прихрамывал, одна лапка волочилась по земле. Мы поймали его. Жалко стало зайчишку, которому не было еще, наверное, и двух недель. Мы взяли его домой, назвали Яшкой. Наложили на перелом две маленькие шины и забинтовали лапку. Налив в бутылочку с соской молока, мы предложили его Яшке.

Когда Яшка подрос, то с удовольствием ел траву, свежие осиновые ветки, но не отказывался и от молока. Особенно любил Яшка морковку. Зайчонок был очень веселый и непоседливый. Однажды он напроказничал: обглодал новый березовый веник. Яшка стал совсем ручным. Вскоре срослась у зайчонка лапка, и мы сняли повязку.

Не подружился Яшка с соседским котом Пушком. Кот сильно испугался Яшки, и зайчонок обратил кота в позорное бегство.

Подошло к концу лето. Как ни жалко было расставаться с зайчонком Яшкой, но пришлось выпустить его на волю. Счастливого пути пожелали мы Яшке.

Витя СЫЧЕВ

Челябинская область

Ну и Петька!

У меня жили несколько ежей, две чайки, воробьи, пять тритонов, головастики, ящерицы, лягушка-барометр, ворона, галка, клинтух, певчий дрозд, дрозд-рябинник и, наконец, сорочонок Петька. О нем расскажу подробнее.

Петька-птенец был страшно прожорливый. Приходилось первое время вставать в четыре-пять часов утра. Его пронзительный писк будил всех. Ел Петька все: творог, сырое мясо, а при случае таскал рыбу и пил молоко из блюдца кошки Тяпы. Когда он подрос, стал таскать еду у Тяпы совершенно бесцеремонно. А когда Тяпа спала, Петька прыгал по ее спине, теребил за хвостик. Сорочонок ходил со мной повсюду, сидя на моем плече. Петьке очень нравились блестящие вещи, и он частенько пытался их украсть. Еще птенец любил кататься на двери кухни и теребить бабушкины волосы. Часто он будил нас, стуча в окно. Это он показывал, что пора вставать и кормить его.

Нина ЦВЕТКОВА

Москва

Зарянка

Один раз мой папа нашел в лесу зарянку. Какой-то хулиган подбил ей крыло из рогатки.

Зарянка стала жить у нас. Мы включали пластинку «Птичьи голоса», и она отвечала птицам. Кормили ее разными букашками. Выйдешь на улицу, пройдешь мимо стен дома, заглянешь в щелочки и найдешь много насекомых.

Когда зарянка поправилась, мы положили ее в сумку и отнесли в лес.

Долго я ее ждал. Думал, прилетит. Ведь мы с ней дружили. Не прилетела. Наверное, потому, что дорогу не видела.

Алеша РЕДАКОВ

г. Выборг

— Благодарим вас, доктор Айболит.

— Нет, нет, при чем здесь я? Все мы благодарим за чудесные рассказы славных Почемучек, не так ли?

— Вы опередили меня. Я хотел сказать то же самое. А теперь...

— А теперь, Мюнхгаузен, все мы послушаем, что нам расскажет Олег Иванович Гаврилов. А случай с ним произошел любопытный.

Пернатые „зайцы“

Стоял мертвый штиль. Поверхность большого соленого озера, ровная как зеркало, отливала расплавленным серебром. Казалось, даже вода дышала зноем. Невдалеке пара красных утокогарей уводила к заросшему камышом берегу выводок пушистых птенцов.

— Греби, — торопил меня спутник, — не то уйдут!

Я нажимал на весла, но расстояние сокращалось медленно. Мой товарищ опустился на сиденье и достал из полевой сумки связку блестящих алюминиевых колец. На каждом из них были выбиты номер и слово «Москва» латинскими буквами. Эти кольца нам и нужно было надеть на лапки удиравших во всю прыть утят.

После получасовой погони утята стали заметно отставать от взрослых уток. Я нажал на весла. Огари взлетели и со стонущими криками начали описывать круги над лодкой, а утята нырнули.

— Теперь никуда не денутся, — заверил мой спутник, — только не гоняйся за каким попало, а выбирай одного и преследуй.

Следуя его советам, я быстро погреб к утенку, который резиновым мячиком качался на воде. При нашем приближении он взмахнул култышками будущих крыльев и исчез. В прозрачной глубине было видно, как он гребет лапками изо всех силенок. Страх гнал огаренка в глубину, но силы были на исходе, и вода выталкивала его наверх. Он так и всплыл огузком кверху, обессиленный до изнеможения. Ему быстро нацепили на лапку кольцо и сунули под куртку, где он затих.

Через час, когда у меня на руках вздулись кровавые волдыри, все восемь утят были пойманы и окольцованы. Взрослые огари завопили еще тоскливее и стали пикировать прямо на лодку.

— Всю душу вымотали, — проворчал товарищ, торопливо переписывая номера колец. — Ну все, — захлопнул он записную книжку, — выпускаем!

Огарята горохом посыпались из куртки в воду и нырнули. Всплыли они метрах в двадцати от лодки, и сразу же к ним шлепнулась изнывающая от страха за потомство мать. И тут я увидел картину, которая заставила забыть о долгой погоне, усталости и мозолях на руках. Утята, толкаясь, стали карабкаться на спину утке, которая покорно сидела на воде с полураспущенными крыльями.

Когда последний утенок устроился на хвосте, утка стала быстро удаляться от лодки, увозя на спине восемь безбилетных пассажиров. Гребла она сильно, и за ней под углом расходились водяные дорожки и вскипали воздушные пузырьки.

— И все же, когда мне удается возвращаться на книжную полку в добрую книжку, в которой я живу и которую читают взрослые и дети, я укладываюсь на старенький диван, чтобы попыхтеть трубкой. В тот день я, вооружившись лупой, принялся разглядывать лепестки только что найденного странного цветка. Шаловливые солнечные зайчики вскочили в открытое окно библиотеки, легкий майский ветерок зашелестел страницами книжки, и я почувствовал, как сон склеивает мои веки...

Вдруг что-то кольнуло меня в нос. В уши словно вонзились сотни микроскопических стрел. Я мгновенно открыл глаза и замер ошеломленный!

Прямо на меня стройными рядами двигались полки... блох, вооруженных копьями. Я закрыл глаза и открыл снова.

Нет, это был не сон. Войско уверенно двигалось вперед, и две блохи вкатывали пушку на мою переносицу.

— Дорогой Гулливер, — зашептал я, надеясь, что именно он поможет мне разгадать эту тайну, — дорогой друг, покиньте на секунду вашу книгу и взгляните сюда. На меня движется войско. Еще мгновенье — и случится беда. Да смотрите же сюда...

— О нет, сэр, — раздался рядом знакомый голос. — Я ровным счетом ничего не вижу странного, кроме вашей собственной персоны. Не положить ли вам холодный компресс? Похоже, весеннее солнце сильно нажгло вашу голову, сэр...

Вероятно, он не верил ни единому моему слову.

— Вернитесь в свою книгу и продолжайте рассказывать всем на свете небылицы о своей Лилипутии и Бробдингнеге, — сказал я, задыхаясь от негодования, ибо не выношу, когда мне не верят.

Понимаю, друзья мои, вы сгораете от нетерпения услышать разгадку. Безусловно, я не ради болтовни рассказал вам эту историю. Слушайте же, что было давным-давно.

На сцене... блохи

Лет сто пятьдесят назад в Париже, на Биржевой площади, давал представления удивительный театр. За шестьдесят сантимов зритель мог увидеть выступления... блох.

Сцена — гладкое зеркальное стекло. Зрители сидели перед занавесом, в который были встроены увеличительные стекла. Через них были видны все подробности забавных спектаклей, разыгрываемых насекомыми. Одни, стоя на задних ногах, несли копья, вырезанные из тоненьких лучинок, другие тащили пушку, которая была сделана мастерски, ни единым винтиком не отличалась от настоящей. Насекомые везли и золотую карету, в ней восседал почтальон. На козлах сидел кучер с хлыстом — крошечной лучинкой. Золотые цепочки упряжки привязывали к задним ножкам блох и никогда не снимали.

Дрессированные блохи жили два года, и ни одна из них не погибла за это время.

Если случалось, насекомые отказывались тащить карету или пушку, хозяин брал горячий уголь и слегка водил им над спиной упрямцев. Тогда они немедленно принимались за работу.

Об удивительном театре рассказывает французский энтомолог Луи Фигье.

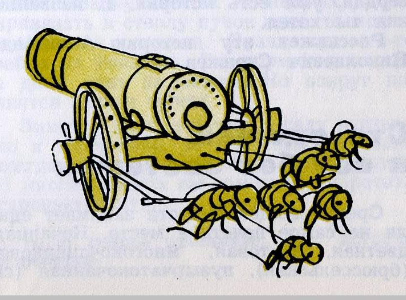

Рис. В. Карабута

— Я веселый Чиполлино. Вырос я в Италии...

— Тс-с-с! Почему ты поешь, дерзкий мальчишка?

— Разве вы не узнаете меня, де душка Хоттабыч! Я веселый Чиполлино, мальчик-луковка.

— Так беги на огород и сиди на луковой грядке. А здесь собрались мудрейшие и любопытнейшие.

— А разве мы, овощи, недостойны их внимания? Да ты, видно, не читал мою книжку. И наверное, не знаешь, сколько любопытных историй могут рассказать и девочка Редиска, и кум Тыква.

— Позор на мои седины, не знаю!

— Не огорчайся! Я пришел, чтобы продолжить мою сказку. Пускай все овощи по очереди расскажут о себе. Их рассказы могут передать мальчишки и девчонки, назвавшие себя Почемучками. Мое условие такое: название к рассказам — пословица старая или новая, придуманная. Согласны? Приду через месяц. Привет!

— Погоди ты, о луковица моего сердца, уже есть история. И название, как ты хотел.

Расскажет эту историю Александр Николаевич Стрижев.

Сто одежек, и все без застежек

Среди овощей капуста занимает едва ли не самое почетное место. Кочанная, цветная, листовая, многокочанчиковая (брюссельская), пузырчатокочанная (савойская), стеблеплодная (кольраби). Каких только капуст нет! И все известны людям много веков, много тысячелетий.

Полагают, что в Западную Европу капуста попала из Средиземноморья еще в каменном веке. Это была листовая капуста, которая росла на островах и побережье Средиземного моря в диком виде. Кочанная капуста выведена человеком из листовой в результате длительного отбора.

Русские огородники любили возделывать капусту. В крестьянском календаре отводились даже дни-капустники. Скажем, 18 мая отмечался как «рассадница». Сажая капусту, приговаривали: «Не будь красна, будь вкусна» и т. п. Поздноспелые сорта срубали 8 октября. Далеко славились бронницкая и коломенская капусты.

Интересно, что в выращивании капусты рекордных размеров русские огородники не знали соперников на всем свете. Особенно поражал современников великолепный мастер гряд Ефим Грачев. В сентябре 1875 года он представил на Венскую международную выставку плодов и овощей коллекцию капуст, каждый кочан которой достигал 70 сантиметров в поперечнике. Коллекция Грачева отмечена Большой золотой медалью. Кстати, огородник Грачев получал высшие награды за свои овощи и в Кельне, и в Филадельфии, и в Париже. Перед ним отступали овощеводы всех континентов.

Напоследок заметим: капуста и нынче — непременный овощ любой кухни.

А пока прошу не отвлекаться — заседание Клуба продолжается. У меня еще есть для вас важное задание Валерия Григорьевича Баркова.

Важно не количество, а качество

В одной школе ребята сделали и развесили 350 кормушек для зимней подкормки птиц. Это прямо рекорд!

Только у меня зародилось сомнение: как же они справятся с таким количеством кормушек? Хватит ли у них кормов? И я отправился в эту школу.

Глаз у меня наметан: если кормушка действует, значит к ней протоптана в снегу тропинка.

Повели меня ребята в школьный сад. И что же? Только к одной кормушке вела тропинка.

Спрашиваю у ребят: кому нужны такие кормушки? Молчат...

Эту ошибку делают многие ребята, когда гонятся только за количеством, забывая, что качество важнее количества. Уж если вы открыли подкормочный пункт для птиц или зверей, то пусть он действует бесперебойно с осени до весны. Добавлять корм нужно регулярно. Поэтому к настоящей кормушке всегда ведет тропинка.

Представьте себе такое. Вы перестанете добавлять корм в одну из кормушек. Слетятся синицы, воробьи, снегири, поползни к своей столовой, а она снегом засыпана. Зимний день коротенький, найти еду в другом месте птицы уже не успеют. А ночь длинная и морозная, скоротать ее впору только на сытый желудок. Выходит — погибай пернатый народ от голода и холода.

Прежде чем открыть лесную столовую, подумайте, взвесьте, сумеете ли вы обеспечить регулярную подкормку птиц, хватит ли у вас кормов?

К каждой кормушке нужно наведываться в неделю раза три, и, уж конечно, не с пустыми руками. Приносите с собой не меньше полукилограмма разного корма — подсолнухов, арбузных, дынных, тыквенных семян, зерен конопли, хлебных крошек, семян березы и ольхи, не считая вяленых ягод рябины, калины, бузины, боярышника и разных съедобных сорняков — шишек репейника, веничков из лебеды.

Синицы и дятлы хорошо едят подвешенные на ветки кусочки мяса и сала. Но мясо скоро замерзает. А вот сало птицы клюют в любые морозы.

Если вы задумаете подкармливать белок, то с осени запаситесь дубовыми желудями, шишками ели и сосны. Не откажутся белки и от сухих грибов, подвяленных ягод рябины и даже от черных сухарей. А уж подсолнухи для них прямо лакомство.

Надо установить дежурство по очереди и в любую погоду навещать пернатых друзей, добавлять в столовую корм. Бывают и неожиданные встречи: явится на кормушку тот, кого и не ждешь. То какая-то запоздалая зарянка прилетит подкормиться ягодами. Эти птички часто задерживаются у нас до глубокой зимы. В прошлом году одна зарянка зимовала в Москве, в Кузьминском парке у большого пруда. Под мостом вода не замерзала. В самые лютые морозы там можно было видеть нахохленную красногрудую бедняжку. Как бы ее выручили ягоды бузины!

Иногда дрозды налетят целой стайкой и всё подчистят. Бывает, сойка повадится, подберет все съестное, потом нахохлится и никого не подпускает.

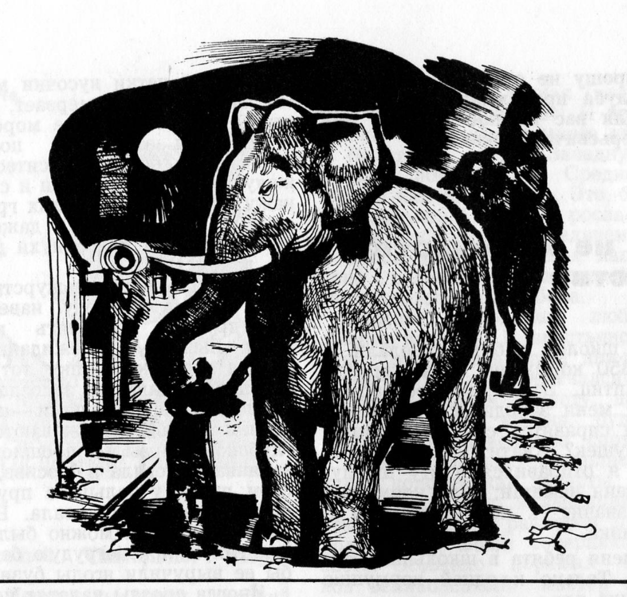
Но сварливые бывают не только сойки. Знал я одну снегириху. Усядется, бывало, в центре кормового столика и шипит на всех. И удивительно, все птицы ее боялись, даже синицы. А может быть, просто связываться не хотели. Вообще-то, самые дисциплинированные и организованные птички—синицы. Никогда не устроят сутолоки, толчеи, на кормовой столик залетают по очереди. Схватит синичка зернышко — и на ветку, а за ней другая.

Очень интересно, когда приходят белки! Они являются рано утром или к вечеру, днем спят в дуплах или в самодельных гнездах. Об их посещении всегда можно узнать по следам. Следочки у них вроде треугольников: впереди от двух задних лапок — полоски, позади — от двух передних — точки.

А если на подкормочный пункт положить вязанку свежих осиновых веток, привязать к стволу пучок сена, то может повадиться и заяц. Правда, самого-то зайца не увидишь. Он кормится ночью, а днем спит на лежке. Но вокруг появятся заячьи тропы.

Зимой в лесу, в парке, в саду пустынно и молчаливо. А у лесной столовой всегда увидишь лесных обитателей. И многим из них вы поможете скоротать суровую зиму.

— А теперь прощайте, до встречи в декабре.

СЛОНИХА ДЖОННИ

Город, как вымерший, томился от душной влажной ночи. На полированных тротуарах отплясывали огни и тени огромных реклам. Ритмично мигали светофоры. На редких перекрестках улиц вышагивали взад-вперед дорожные полисмены. Пальмы ожидали ливня. Заспанные рикши высматривали первых пассажиров.

По центральной улице, ослепленной светом ночных фонарей, двигалось стадо слонов. Впереди шествовала, плавно шлепая толстыми столбообразными, словно обрубки, ногами, слониха Джонни, массивная, с широкой грудью и сильным хоботом.

Около небоскреба с прыгающими фиолетовыми буквами слониха замедлила шаг. Погонщик насторожился. Тень тревоги пробежала по его больному, измученному лицу. «Проклятое место. Опять остановимся», — в испуге подумал он и ласково сказал:

— Иди, Джонни, иди вперед...

Слониха остановилась, не вняв голосу погонщика, плавным движением хобота ссадила его на тротуар и скорбно застыла на месте. Вслед за ней остановилось стадо, заполонив улицу.

Тощий, желто-зеленый, измотанный лихорадкой, согнутый, как ствол лианы, погонщик, поглаживая жесткую кожу ноги слонихи, тихо упрашивал:

— Ну будет, Джонни. Нам еще далеко идти...

Слониха стояла, будто изваяние.

Каждый раз останавливалась слониха здесь после того памятного случая.

...Рассвет еще не наступил.

Миновав крутой горный склон, стадо слонов переплыло быструю реку и выбралось туда, где кирпично-коричневые лесорубы с головами, обхваченными белой чалмой, валили наземь огромные деревья — салы.

Джонни, не передохнув, обхватила хоботом полутонное бревно салы, перенесла с просеки к берегу, где сплавляли лес по реке. Стадо беспрекословно следовало примеру своего вожака.

На берегу вскоре выросла груда бревен.

Пальмовой веткой погонщик нежно обмахивал голову слонихи. За его движениями наблюдала любопытная маленькая обезьянка. Перескакивая с дерева на дерево, она неотступно следовала за стадом.

В полдень, когда нещадно стало палить солнце, погонщик сказал:

— Джонни, отдохни!

Джонни послушно издала трубный звук. Стадо стало подкрепляться молодыми побегами бамбука и жесткой высокой травой, а потом, как по команде, слоны один за другим отправились купаться.

Джонни смело вошла в реку. Заплыла на середину. Из воды были видны ее спина и уши. Возвратилась к берегу, блаженно залегла в черной илистой жиже и, набрав в хобот воды, поливала, словно из лейки, спину.

Погонщик, наблюдавший с берега за стадом, хлопнул в ладоши, возвещая, что отдых кончился.

Вечером на обратном пути в город довольный погонщик, восседая на спине Джонни, ласково гладил мягкий и теплый хобот слонихи.

— Молодчина, Джонни! Сегодня на славу поработали! Я всегда говорил: ты самая умная из всех слонов.

На другой день солнце стояло в зените, все обжигая вокруг. Птицы и обезьяны замолкли, попрятавшись в густых лианах. Обычно разговорчивый погонщик, почему-то притихший, сидел на спине Джонни. Слониха в тревоге остановилась.

— Тяжко мне, Джонни! — прошептал погонщик. — Замучила лихорадка... Ты уж прости... Рука не держит ветку, чтобы отогнать от твоих глаз надоедливых мух...

Джонни, словно размышляя над словами погонщика, направилась к серебристой пихте. Запрокинула хобот, обвила поперек безвольное, словно ватное, тело своего любимца и бережно опустила его на землю под тенистый полог ветвей рядом с ползучей ивой. Подождала, пока он устроится поудобнее, и вновь принялась за работу.

Мухи облепили маленькие глазки Джонни, как осы, жалили мягкие веки. Глаза слезились. Но Джонни не выпускала из хобота бревна, не останавливалась, а терпела, убыстряла шаг, почти бежала, сбиваясь с привычного темпа сама, и умаяла стадо.

В этот день слоны сделали меньше обычного.

Подбежал жирный надсмотрщик в широкой соломенной шляпе. Стучал ногами, осыпал слонов бранью, ударил Джонни ременной плеткой. Но она вынесла незаслуженную обиду.

Весь следующий день совсем обессилевший погонщик пролежал под пихтой. Джонни работала за двоих, но мухи ее одолевали. Она выбивалась из сил. Около кедра она положила бревно, собралась передохнуть, как вдруг почувствовала, как кто-то прыгнул к ней на спину. Джонни повела хоботом. Это была маленькая короткохвостая бенгальская макака, каких немало в Восточных Гималаях. Джонни хотела сбросить непрошеную гостью. Но та подвинулась к самым ушам слонихи и, подражая погонщику, стала помахивать пальмовой веткой.

Благодарная Джонни подняла бревно и убыстрила шаги.

В этот день, как и прежде, стадо перенесло много тяжелых бревен.

А когда солнце спряталось за деревьями и слоны отправились в обратный путь, обезьянка соскользнула со спины Джонни, зацепилась за лиану, раскачиваясь, стала устраиваться на ночлег.

Потом погонщик выздоровел. Повеселевшая Джонни, словно стараясь наверстать упущенное, быстро двигалась по улице, чтобы поскорее достичь джунглей, она почти бежала, весело помахивая хоботом. А когда поравнялась с небоскребом, задрожала, увидев, как люди везли клетку с обезьянами, и среди них была ее маленькая спасительница.

Джонни замедлила шаг.

— Быстрее, черт побери! — услышала она гневный окрик надсмотрщика и свист плетки.

Погонщик проворно спрыгнул на асфальт и, трясущийся от возмущения, подбежал к надсмотрщику.

— Отпустите обезьянку! — крикнул он. — Ловить обезьян — кощунство!.. Стадо будет неделю работать бесплатно. Только отпустите!

— Заткни свою глотку! И без тебя знаю, что ловля обезьян запрещена. Но белые щедро платят. А за эту дадут больше. Она умеет махать веткой...

— Отпустите, она нам помогала. Вы же в те дни получили от хозяина больше рупий...

Джонни остановилась.

— Ах вот как! — губы надсмотрщика скривились в недоброй улыбке. — Плетки давно не пробовал?! — Увесистая, гибкая как змея плеть оставила кроваво-синюю полосу на щеке погонщика.

Джонни, спокойно слушавшая разговор людей, стремительно двинула хоботом, и надсмотрщик, издав странный вопль, полетел на гранитную кромку тротуара.

Отрывисто дыша, не обращая внимания на крики столпившихся людей, Джонни усадила погонщика к себе на спину и слезящимися глазами смотрела вслед удалявшейся клетке с обезьянкой...

...Город спал. Бодрствовали полицейские и огни реклам. Стадо слонов, как обычно, шло на работу. Около небоскреба Джонни замедлила шаг и понуро встала.

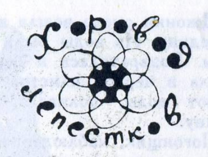
— Джонни! — говорил ей погонщик. — Не мучай себя. Он гадкий человек и не стоит того, чтобы о нем так долго помнить. Пошли!

Джонни не дрогнула ни одним мускулом. В течение двух часов она стояла, низко опустив хобот, закрыв глаза, словно укоряла себя в несдержанности и никак не могла себе простить поступка, совершенного в минуту необузданной ярости.

М. РОДИОНОВ

Дейция.

Каких только сюрпризов не готовит нам Батумский ботанический сад — необыкновенно богатая сокровищница самых разнообразных растений. Особенно много их весной. Вот очень интересный кустарник — каликант с бархатно-красными нежными цветками. Каликант — довольно редкое растение даже в Батумском ботаническом саду, его там всего несколько кустов.

Другой кустарник — дейция. Он похож на белый шар: так много на нем цветов. Все склоны Батумского ботанического сада покрыты этим прелестным растением.

Всего 60 лет назад в Аджарии совсем не знали о дейции. Привез ее из Китая основатель Батумского ботанического сада А. Н. Краснов и посадил на грядках. Но дейции так понравился батумский климат, что вскоре она стала расти сама по себе и расселилась по всему саду. Помог ей в этом ветер: ведь семена у дейции очень мелкие, сидят в коричневых коробочках и при каждом дуновении ветра далеко разлетаются. Теперь весной, когда цветет дейция, весь сад благоухает.

●

Комнатные сады. В этих чудесных садах на подоконниках можно выращивать не только лимоны, мандарины, грейпфруты, кинканы, инжир. На окнах можно создать и душистые рощи цитронов!

Каликант.

Цитрон — самый первый из всех цитрусовых растений попал в Средиземноморье. Он был завезен, видимо, еще армией Александра Македонского за 300 лет до нашей эры. В далекие времена его называли мидийским, или персидским, яблоком. Считали его несъедобным, но хорошим лекарством от ревматизма, а также средством от домашней моли.

Слово «цитрус» — искаженное древнегреческое «цедрос». Так называли ароматные бальзамические ветки некоторых хвойных пород, которые клали в хранившееся платье для защиты от моли. Их потом успешно заменили плодами цитрона.

Сейчас цитрон мало кто знает. Между тем растение это очень интересное. Оно приносит огромные ароматные плоды. Из всех цитрусовых цитрон — самое теплолюбивое растение и в комнатах чувствует себя отлично. Хорошо развивается и плодоносит.

У цитрона блестящие темно-зеленые листья с зубчиками. Бутоны крупные, пурпурные. Плоды очень крупные, желтые, бугристые. Содержат много мелких семян. При хорошем содержании в комнате вес плода может достигать 500 граммов. Сок кисловатый.

В городе Павлово Горьковской области любители, занимающиеся разведением комнатных цитронов, часто называют их шишканами за своеобразную форму плодов. Выращивают цитроны так же, как и комнатные лимоны.

У нас цитроны выращивают не только в комнатах, но и на Черноморском побережье Кавказа — от Сухуми до Батуми. Корка у плодов очень толстая, душистая. Плоды цитрона используются в пищу после того, как их вымочат в соленой воде, которая отбивает у них горечь.

Корка цитрона — ароматная приправа к различным блюдам, особенно к крупяным. Из корки можно варить варенье, мармелад, цукаты, готовить маринады. Из листьев, цветков и корки плодов цитрона получают ценное эфирное масло. Используются цитроны и с лечебной целью. Недаром ботаническое имя у этого растения «цитрус медика», то есть «лечебный, целебный».

●

Ярко-красная, жизнерадостная валлота удивительно привлекательна. Окраска ее сочная, выразительная, лепестки блестящие. Валлота — родственница амариллиса, соцветия их несколько схожи. Цветки у валлоты широко раскрытые, каждый цветок держится пять-семь дней. Валлота — ценное луковичное растение, в комнате растет хорошо. Листья у нее темно-зеленые, узкие, длинные. Луковицы маленькие, поэтому в большие горшки высаживают 4—5, в средние — 3 луковички. Когда валлота отцветет, держите растение в прохладном месте (самая подходящая температура воздуха 4—6 градусов тепла). Поливайте меньше и не подкармливайте.

Выращивают валлоту в смеси из дерновой, листовой земли, куда добавляют промытый речной песок. Можно выращивать ее также в смеси из парниковой и огородной земли, добавив листовую землю и песок. В эту смесь полезно положить и костяную муку.

Летом валлоту кормите слабым раствором куриного помета или коровяком. Тогда осенью растения цветут особенно продолжительно.

Размножают валлоту детками. Их отделяют от взрослых луковиц весной при пересадке растения. Детки зацветают на второй-третий год. Они быстрее развиваются в плодородной почве. Луковицы можно высаживать на грядки, лучше под пленку. А в конце лета — начале осени осторожно, не повреждая корней, пересадите в цветочные горшки.

Весной и летом вы прилежно поработали на пришкольных огородах и собрали богатый урожай. Теперь забота другая: щедрые огородные дары надо умело сохранить. При небрежном и неумелом хранении овощи и картофель могут быстро испортиться.

Чтобы этого не произошло, урожай храните в прохладном и темном месте (подполе, погребе). Не мойте овощи перед закладкой на хранение.

●

Столовую свеклу хорошо хранить, рассыпав на полу или в ящиках высотой 8—10 сантиметров в прохладном помещении. Лучшая температура для хранения — один градус тепла. Свеклу хранят и на полках с небольшими бортиками. К корнеплодам должен поступать свежий воздух. Ширина и высота полки — один метр, свеклу укладывают на высоту 80 сантиметров.

●

Морковь хранят в глине. Возьмите обыкновенную глину и разведите ее в какой-нибудь посуде до сметанообразного состояния. В приготовленную «болтушку» погрузите морковь и перемешайте ее деревянной лопатой так, чтобы все корнеплоды были смочены разведенной глиной. Затем морковь выньте, просушите и сложите в ящики, которые поставьте в прохладное помещение. На 10 килограммов моркови расходуют 3 килограмма глины.

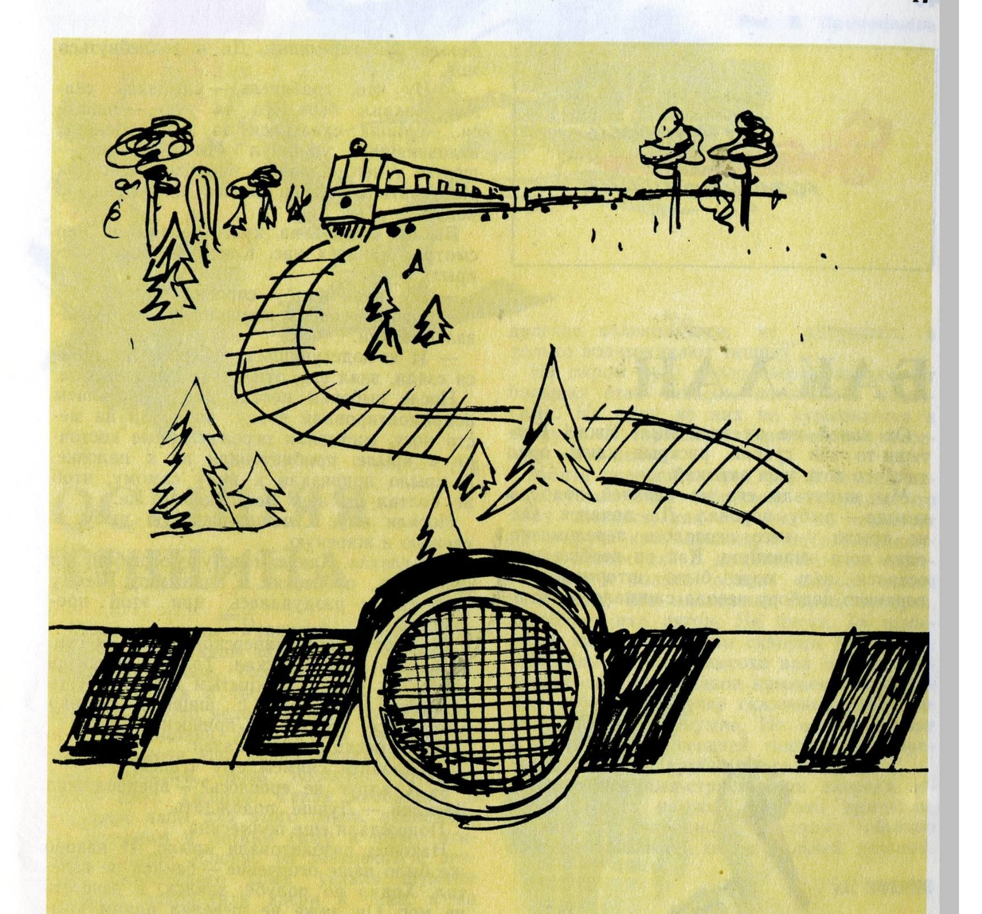
Этот новый малораспространенный еще способ дает возможность хорошо сохранить морковь.

Морковь хранится дольше, если перед укладкой корнеплоды опрыснуть водным настоем из сухих чешуй репчатого лука.

●

Картофель хорошо хранить в ящиках, у которых дно и стенки решетчатые. Ящики ставьте не на землю, а на бруски, чтобы снизу поступал воздух. Картофель насыпьте слоем не более одного метра.

Урожай картофеля помогут сохранить и листья нашей обыкновенной рябины. Для этого на каждые 10 килограммов картофеля обычно берут около 30 граммов мелко изрубленных листьев рябины и пересыпают ими картофель. Они предохраняют картофель от порчи.

Дорогие друзья!

Начинается зима. Метели и снегопады делают особенно опасными переходы железнодорожной колеи в не оборудованных специально для этого местах. Многие из вас по дороге из дома в школу и обратно вынуждены пересекать железнодорожный путь. Никогда не забывайте о том, что всегда необходимо пользоваться переходными тоннелями и мостами, а там, где их нет, — переходить линию железной дороги у шлагбаумов и в местах, оборудованных специальной системой сигнализации. Это сохранит вам здоровье и жизнь.

Министерство путей сообщения

БАКЛАН

Ох какой же он злой был! Ужас! Когтищи-то как грабли, раскрыв клюв, орал так, что хоть уши затыкай.

Мы выпутали его из верхней подборы невода — рыбу воровал. Да попался. Одно крыло у него оказалось переломлено, одна нога вывихнута. Как он вообще жив остался, ведь море было штормовое, и верхнюю подбору невода сжимало и растягивало как гармошку. Да и захлебнуться мог.

— Ну что, грабитель, — улыбаясь, сказал Михаил, беря его на руки, — попался... — Миша схватился за лицо: баклан, изловчившись, ущипнул Мишу за нос — шея-то у него длинная, растягивается. Как раз хватило. Миша пошел в кубрик за йодом.

Баклан лежал на куче невода и зло смотрел на всех нас. Клюв наготове, раскрыт.

— Ну куда его? — спросил Сергей.

— Отнеси пока в подшкиперскую, — сказал Василий.

— И не подступишься,— Сергей подкрался сзади, взял его, отнес в подшкиперскую.

После выборки невода они с Василием подремонтировали птицу: вправили на место ногу, составили переломленные косточки в крыле, прибинтовали их к палочке. А крыло привязали к нему самому, чтоб не болтал им зря. Бестолковый же.

Носили ему в подшкиперскую рыбу, и свежую и жареную.

Все глотал. Какую толстущую рыбину ни принесешь, проглотит в один миг. Шея у него так и раздувалась при этой процедуре.

Жил он в подшкиперской целый месяц. И никого не подпускал. Только откроешь дверь, он уже с раскрытым клювом. Чуть зазевался — и ходи с шишкой. Однако глотал все, что бы ни приносили.

Через месяц Сергей сказал:

— Давайте снимем ему «гипс»?

— А вдруг не срослось? — предположил Василий. — Лучше подождать.

Подождали еще полмесяца.

Наконец разбинтовали крыло. И каково же было наше огорчение — баклан не взлетал. Ходил по палубе, злился, а взлететь не мог. Он даже не шевелил одним крылом, будто забыл про него.

— А ну посадим его на фальшборт? — предложил Сергей.

Посадили на фальшборт. Он смотрел на воду, распустив крылья, кричал, а не летел. Сергей сзади подкрался и подтолкнул его. Он закувыркался, но перед самой водой взмахнул крыльями и взмыл вверх. Выше, выше... и закричал. Но это уже был другой крик. Не рыкающее и отрывистое: «...ыр ...ыр ... ыр», а протяжный крик, радостный: «...ыр-р-ра...ыр-р-ра... Ур-р-ра-а-а!»

Вскоре мы видели одну черную точку над морем. Она приблизилась к облакам, потом спустилась и свернула к скалам.

— Хоть бы круг на прощанье нам сделал, — сказал Сергей.

— Неблагодарный, — сказал Миша, трогая нос.

Н. РЫЖИХ

Рис. В. Прокофьева

ОСЕННЯЯ ТИШИНА

Поздняя осень. Утренний рассвет над озером в туманной задумчивой дымке поражает тишиной. Только изредка крикнет где-то лысуха в тростниковых дебрях да коротко, как-то нехотя подаст голос чирок. И снова тишина. А утро все разгорается. Но тени ночи еще цепко держатся в глубине зарослей, ночь неохотно уступает место дню. Тишина! Такая необычная в утренние часы для этого озера, знакомого по весенним и летним гаму и шуму птичьих голосов. Словно из знакомого с детства оживленного дома уехали шумные жильцы, заколотили двери и окна, а на крыльце выросла трава.

Вот совсем рассвело. Хотя солнце еще не показалось, а множество диких уток залетало туда и сюда над тростниками. Кого только на озере нет! Все жильцы дома! Но даже самые «разговорчивые» весной чирки-свистунки сейчас молча стремительно проносятся над головой. Не слышно низкого баска серянок, но они еще не улетели и стайка за стайкой летают над озером. Только посвистывают крыльями, но молчат кряквы, свиязи и широконоски. Неслышными тенями мелькают в зарослях водяные курочки.

Только тростниковые усатые синички перепархивают по зарослям, взлетают над озером, оживленны и веселы. Круглый год эти синицы живут в тростниках и никуда не улетают.

Впрочем, голоса крошечных птичек, как далекие колокольчики, не нарушают, а только подчеркивают тишину.

На сыром лугу около озера разгуливает большая стая чибисов, потряхивая косичками. Ни один из них не кувыркается в воздухе, не спрашивает хрипловатым голоском: «Чьи вы?»

Молча проносятся над самой землей такие густые стаи сибирских скворцов, что диву даешься, как это они не задевают друг друга крылышками и не сталкиваются на поворотах? В деловитой тиши несутся стаи, и только общий шорох тысяч крылышек, как внезапный порыв ветерка, пролетает над лугом. Ни писка, ни щебета. А как громогласны скворцы весной!

И только иногда высоко над озером раздается серебряный звон крыльев белоснежных лебедей. Могучие сказочные птицы не могут лететь бесшумно. Но и они молчат и не нарушают осенней тишины в природе печальными трубными голосами.

Перед птицами-странниками впереди огромный путь на юг. Все они притихли, словно по старинному русскому обычаю присели помолчать перед дальней дорогой.

М. ЗВЕРЕВ

БУРОЗУБКА

Держали мы как-то кошку. Сибирскую. Пушистую, зеленоглазую и ласковую. Настоящую кошачью красавицу. Все, кто ни приходил к нам, восхищались ее изяществом и грацией. Жила красавица хорошо. Летом, весной и осенью рыбы ела сколько хотела — сорок пескарей за один присест убирала! Любила она сырую картошку, хлеб, молоко и, конечно, мышей. Только не ловила она их. Вероятно, считала это занятие унижающим ее сибирское достоинство. А поэтому наряду с кошкой держала мать в доме и мышеловку. Поймает в нее длиннохвостую и преподносит сибирячке. Извольте, мол, скушать. Разве от такого угощения откажешься? И кошка ела, но с таким видом, будто делала матери одолжение.

Много грызунов мышеловкой не переведешь, а мыши, словно чувствуя кошачий характер, совсем обнаглели: возились по ночам на кухне, пищали, катали что-то под шкафом с посудой, шуршали под обоями. Кому же приятно такое соседство? И мы применяли все методы борьбы с ними, даже ежа достали. Но только он оказался не совсем удобен. По ночам он так звонко стучал ногами по полу, так громко пыхтел, носясь по комнатам, что не давал никому глаз сомкнуть. Пришлось отказаться от его помощи в войне с мышами.

Осенью же, когда байкой укрыл землю снежок, мыши вдруг начали исчезать.

— Почему бы это? — задумались мы. — Кажется, должно бы наоборот быть. Ведь осенью и лесные и полевые мыши к жилью перебираются...

Ответ пришел неожиданно. Однажды мать, проверяя утром мышеловку, восхитилась: «Вот так мышь!»

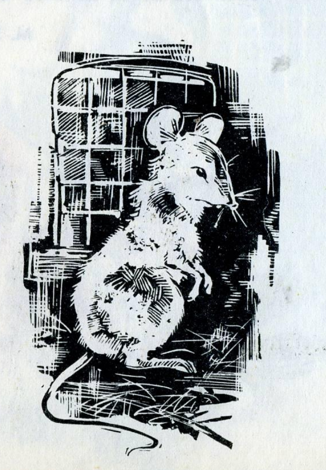
Посмотрели мы на нее и тоже удивились. Шерсть бархатистая, буровато-черная, сама малюсенькая, а носик в хоботок вытянут. Преподнесла мать ее кошке, а та понюхала, скорчила презрительную мину и... отвернулась.

— Что за диво! — опешили мы. — Неужели ей стало лень даже пойманную мышь разжевать.

Позже мы узнали, что это вовсе не мышь была, а землеройка, бурозубка. Они к зиме тоже к жилью человека перекочевывают. Питаются они насекомыми и очень прожорливы: через каждые два часа им пища нужна. Если в клетке оставить землеройку без пищи на ночь, к утру она погибнет. А где же зимой столько насекомых добудешь? Ну, уничтожит бурозубка в доме тараканов да мокриц, если они есть, а дальше что? Голодать? Нет! Юркий и смышленый зверек не теряется. Несмотря на мелкие размеры, он справляется с мышами, не дает им покоя ни на чердаках, ни в подполах, ни в чуланах, ни в хлевах... А самого зверька ни один хищник не трогает — очень уж сильно он мускусом пахнет.

Выведет землеройка мышей в одном месте — в другое перебирается. И так до весны. А весной снова в леса уходит. Настоящий мышиный истребитель! Жаль вот только, что из-за прожорливости своей такой полезный зверек в мышеловки попадает.

С. ТОПОРКОВ

ДОМО-СТРОИТЕЛЬ

«Тук-тук-тук» — слышится высоко на старой сосне. Поднимаю голову — дятел. Крылья черные, в белых крапинках, спина белая, а на голове красный берет. Настоящий кардинал.

«Тук-тук-тук» — торопится он. Подхожу к сосне и прислоняюсь ухом к шершавой коре. Сверху вниз доносится особенно гулкая дробь, словно молотком стучит. Вынимаю ключ от квартиры и, подражая дятлу, стучу по стволу. Кардинал остановился. Обежал вокруг ствола. Осмотрелся. Кто это еще пришел на застуканное им дерево? Никого.

На мой стук дятел отвечал все более звучной, длинной и сердитой дробью.

Выше дятла качнулась ветка. Белка высунула из-за сука черноглазую мордочку. И с живым любопытством глядит на дятла.

Падают на меня легкие гнилушки. Все дальше уходит в дерево птица. Уже не видно головы. А скоро торчит один хвост.

Белка прыгает и все глядит, глядит на этот хвост.

Так вот в чем дело! Белка ждет, когда дятел выдолбит ей дупло. Дятел выскочил из дупла, глянул на белку, будто сказал: «Вот и все. Справляй свое новоселье в новом доме». И улетел.

На меня снова посыпались легкие гнилушки. Это белка наводила порядок в своем доме.

ЗАВОДСКИЕ ВОРОБЬИ

Воробьи бывают разные: сельские и городские, черногрудые и короткопалые. Воробьи разные, а характеры у них одинаковые: шумливые, драчливые и смелые. Внешне разные, но всегда узнаешь воробьев по ухватке.

По журналистским делам мне часто приходится бывать на заводах. Приехал както на сажевый завод. Смотрю... что за диво? Вроде бы стайка воробьев летает, а непохоже. Птицы черные как смоль. Потом догадался: ведь это сажевый завод, и птицы черные от сажи.

Был у меня в сумке кусок хлеба. Я бросил его воробьям. Налетели шумной ватагой, клюют, ссорятся. И вдруг откуда-то вывернулся воробей-новичок. На голове коричневый берет, в коричневой курточке, в серой рубашке, а на шее черный галстук. Среди этих воробьев он был до неприличия элегантен и чист.

По всему видать, он хочет есть, а боится подойти, уж больно чумазые заводские воробьи. Смотрит со стороны, приноравливается: как бы это пообедать?

Один из заводских подскочил к нему, поглядел в глаза и, раскрылившись, скокскок-скок вокруг. И произошел между ними такой разговор:

— Лети-ка ты, братец, туда, откуда прилетел. Мы воробьи заводские, и тут все принадлежит нам.

Новичок проявил воробьиный характер: как клюнет черномазого.

Началась свалка. От воробьиной кучи

поднялось черное облако вперемешку с перьями. В суматохе я потерял из виду новичка. Где он? И ужаснулся. Что они с ним сделали? Так извозили сажей, что он тоже стал черным. Зато теперь наравне со всеми клевал хлеб. Его никто не прогнал.

Оказывается, это была не просто драка, а посвящение в заводские воробьи.

Н. ТЕРЕХОВ

ЖЕШКА

Туристская база приютилась на перевале: дощатые домики, в разгар сезона — два ряда белых палаток. И все это на четыре месяца. В остальное время здесь царство снегов — толщина одеяла до шести метров. Крыши на домиках острые, как немецкие кирхи, чтобы снег скатывался с них, иначе раздавит дома, как скорлупки. Когда Корнеев приходит сюда, видны одни крыши. Но снег исчезает быстро. Если не налетит внезапный циклон, база освобождается от снега за четыре-пять дней. Бывает, что шалый ветер выбьет стекло и набросает в комнаты снегу. Тогда Корнеев

берет лопату и выбрасывает снег сквозь открытую дверь и так и оставляет дверь открытой, пока дом не просохнет.

Корнеев — сторож на базе, ему семьдесят лет. Строил базу, да так здесь и остался: место, близкое его сердцу. Туристы знают приземистую фигуру Корнеева, его неразговорчивый нрав. Дед Корень — называют его между собой. А вслух величают Петром Ивановичем. Туристы всегда рады видеть его, поделиться с ним новостями.

И вдруг у деда объявился сосед: олененок Жешка. Произошло это неожиданным и удивительным образом.

Весна выдалась ветреная и снежная. Даже внизу вьюги чередовались с туманами и дождями, а в горах вовсе творилось несообразное: снежные карнизы лепились на каждой скале, их рвало ветром, сбрасывало большими и малыми оползнями. Но Корнеев пришел на базу в обычный срок — перед концом апреля. Острые крыши домиков, как надолбы, прорезались из-под снега и росли с каждым часом; звенели ручьи, пахло весной: влагой и прогретым на солнце камнем, — так пахнет на ледниках и в горных расселинах. Принес старик с собою сухой паек: сгущенку, рис, два кирпичика хлеба, две банки мясных консервов.

Только не в доброе время пришел Корнеев. Поседело вдруг небо, налетела пурга и в одну ночь замела лагерь с крышами. Корнеева засыпало в домике, насилу выкарабкался старик.

Глянул — кругом бело. Да небо такое синее, близкое, что, подними руку, — царапнешь голубизну. Потужил старик, что долго придется ждать каравана, потом смирился — сиди и жди. Сел на конек обнажившейся крыши, полез по карманам: курить захотелось. Но не дотянулся до пачки, увидел вдалеке что-то черное, точку махонькую, будто бы галку, распростертую на снегу. Галок на такой высоте не бывает, нечем им тут кормиться. Орел? — начал вглядываться старик. Волк?.. Показалось ему — шевелится чернота на снегу: что-то живое. Полез в домик через нору, которую проделал головой да плечами, когда наверх вылезал, вернулся с лыжами. Опять поглядел — шевелится. Встал на лыжи, пошел. И чем подходил ближе, тем непонятнее становилось: что это на снегу? Шагов за тридцать различил наконец — олененок. Отстал, видно: на снегу оленьи следы, прошло небольшое стадо. В спешке, наверно, малыша потеряли. Может, зачуяли человеческий запах — вот он, человек-то, Корнеев, — испугались и убежали. А малыш не поспел за ними, остался на тропочке. Нагнулся к нему Корнеев, а он смотрит, не сводя глаз, и не шевелится даже, оробел.

Взял его старик на руки, тот лежит, ножки свесил — длинные ножки, тепленький сверху, где солнышко обогрело, а снизу захолодел весь. Засмеялся Корнеев, прижал олененка к себе. Тот дернул ножками, — беспомощно болтнулись они и опять повисли.

— Бежать хочешь? — спросил Корнеев. — Куда тебе, бедолага? — Плотнее прижал к себе пушистый комок и пошел назад, к домику.

Дома уложил гостя на матрац, прикрыл фуфайкой, — с плеча снял, спросил:

— Что будем делать?

Олененок поднял голову, мекнул в ответ тоненько, как ягненок.

— Вот я и говорю, — сказал Корнеев,— жить будешь.

Потом поджег кружочек сухого спирта на очаге, подогрел сгущенное молоко. Положил горсть снега в жестяную миску и растопил его на том же огне. Смешал молоко с талой водой. Поставил на матрац олененку. Тот встряхнулся, поднялся на ноги, дедова фуфайка сползла с него. Олененок сделал два-три шажка по направлению к миске. Ножки его дрожали, и сам он, изжелта-серый комочек, колыхался на воздухе, как воздушный шарик.

— Тихонько, тихонько, — приговаривал дед, — упадешь...

Но олененок удержался на ножках, придвинулся к миске и нагнул голову к молоку. Тут он не рассчитал немножко и окунулся мордочкой глубже, чем следовало. Фыркнул, прочистил ноздри и начал пить.

— Будешь жить у меня, — сказал Корнеев, — буду поить тебя молоком. Как же тебя назвать?

И назвал олененка Жешкой.

Оленята редко приживаются в неволе, но Жешка прижился в туристском лагере. Впрочем, разве это неволя? Скалы, синее небо, простор! Все здесь привычно оленю с первого дня. Просто Жешка сменил нерадивую маму, бросившую его в беде, на заботливого деда, и, когда первые туристы пришли в лагерь, Жешка скакал вокруг них и совал нос в рюкзаки, отыскивая сгущенное молоко.

Туристы без ума от Жешки. Каждый сует ему хлеб, сахар. Жешка жует, смешно поводя ноздрями; рожки прорезались у него бугорчатые, норовит почесать их обо что-нибудь твердое.

Олененок с каждым днем хорошеет. Грудка его раздается вширь, ноги обрастают крепкими мускулами. Из лагеря Жешка никуда не уходит. Корнеев рад — мало ли что может случиться. Но попрошайка из Жешки выйдет отменный. Так и ходит за дедом, просит что-нибудь вкусное. К туристам привык: каждую партию встречает, едва только заслышит вдалеке говор. Вылетит навстречу и станет на тропинке как вкопанный.

Кончался летний сезон. Близкие вершины покрылись снегом, по ночам заводи в ручьях затягивались ледком. Жешка отрастил густую шерстку, бывший олененок превратился в красавца оленя.

— Жешка, Жешка, — поглядывал на него Корнеев. — Как будем расставаться, друг?

Все чаще задумывался старик: что делать?

А что делать? Придется оставить оленя здесь.

И когда караван пришел за оборудованием и за Корнеевым, вылил дед в таз две банки сгущенного молока, разбавил водой, бросил печенье, остатки, что у него нашлись, вынес все это в сени домика, в котором прожил сезон, кликнул Жешку. Тот послушно пришел, зачуял лакомство и приник мордой к тазу. Час будет лакомиться, рассудил Корнеев, за уши не оттянешь.

А за час караван под горку уйдет далеко. Особенно если погонять лошадей.

Но история олененка на этом не кончилась. Первым, кого встретил Корнеев, поднявшись на перевал через год, был Жешка.

— Друг ты мой! — не выдержал старик, заплакал.

А тому хоть бы что: трепал за спиной у деда рюкзак, пытаясь вытряхнуть на снег звеневшие консервные банки — найдется же среди них хоть одна с молоком.

— Сейчас, — приговаривал дед, сбросив рюкзак и развязывая тесемки. — Сейчас, милый!

И опять началась добрая совместная жизнь.

Осенью Жешка разыскивал свое стадо, дрался с самцами, чтобы стать равным с ними, зимой водил важенок по лесам, а потом предательски бросал их и уходил на легкие хлеба к деду.

Так было и в этом году — в четвертый сезон.

М. ГРЕШНОВ

ВСТРЕЧА С ГЯУРОМ

Мы разбили лагерь на опушке хвойного леса среди могучих деревьев, напоминающих нашу лиственницу, только увеличенную во много раз. Лес простирался до самой вершины горы. Блики солнца ложились на сухую землю, где жесткая трава чередовалась с лепешками пахучей хвои.

С опушки открывался вид на саванноподобную пустошь, плавно понижающуюся к реке. Километра на два тянулись яркая зеленая трава и купы малорослых кустистых деревьев.

За рекой стеной стояли густые джунгли, подпирая горный склон. Была чудесная для тропиков погода. Душное пекло на равнине, словно накрытой тяжелым, влажным, жарким одеялом, здесь, на высоте шестисот-семисот метров, сменилось приятным теплом.

Мы пришли в долину диких быков. Наши слоны шли по быстрой, мелкой, чистой речке с твердым песчаным дном. Едва слоны вышли на берег, как стремнина тотчас стерла все их следы. Последние пять-шесть километров мы прошли, не оставляя никаких следов, и потому не боялись преследователей.

Первым, кого мы увидели в долине, был огромный варан длиной более метра. Еще разбивая лагерь, мы заметили, что в траве кто-то шевелится. Подумали, что это питон собрался позагорать на полянке, но, когда подошли ближе, увидели здоровенного ящера. Варан привстал на своих четырех ногах, добежал до ближайшего дерева и полез вверх по стволу, пока на высоте пятнадцати метров не нашел дупло, в котором и поспешил укрыться.

Во второй половине дня, когда стало попрохладнее, мы отправились на равнину между рекой и горой Пнем Шрей Монг. Сквозь траву высотой по грудь пробирались, словно через кустарник. Рассмотреть, кто ползает и бегает по земле, было невозможно. Только по шороху мы могли судить, что спугнули варана, змею или еще какую-нибудь тварь.

Шли гуськом. Первый нес винтовку, чтобы оказать достойный прием, если на нас нападет тигр или дикий бык.

Я был наслышан о свирепости и страшной силе гяура. Взрослый зверь достигает в росте двух метров и весит до тонны. До сих пор я лишь однажды видел дикого быка — за надежной железной решеткой в американском зоопарке. Директор зоопарка доктор Рид рассказал мне, что этот гяур прибыл в зоопарк в холодный весенний день. Его поместили в зимнюю «квартиру». Крепкие дощатые ворота отделяли внутреннее помещение от наружного загона. Когда быка выпустили из тесной транспортной клетки, он осмотрелся, потом бросился на ворота, и толстые доски с грохотом и треском разлетелись в щепки. Он пробил их, будто картон.

Как и все обитатели джунглей, гяур ведет себя очень осторожно и чаще всего успевает уйти задолго до того, как его увидят. Мы пробирались сквозь траву медленно и бесшумно, рассчитывая подкрасться к быкам и сфотографировать их, а может быть, и отловить. У нас были все шансы застать врасплох мирно пасущихся животных. И навлечь на себя их гнев.

Выйдя на звериную тропу, утрамбованную копытами сотен животных, мы зашагали в ложбину. Разглядеть что-либо впереди было невозможно, во-первых, из-за высокой травы, во-вторых, потому что на краю ложбины стояли деревья.

— Похоже, там есть солонец, — прошептал Криб. — А может быть, и вода. В эту пору дня в ложбине наверняка кто-нибудь есть из зверей.

Мы остановились, чтобы разработать план. Солонцы — земля, заболоченная и богатая солями, — здесь не редкость. И все обитатели джунглей время от времени приходят сюда поесть минерализованной земли или попить соленой воды.

Ветер дул в спину. Мы пошли в обход деревьев, чтобы опуститься в ложбину против ветра. Трава тут росла еще гуще, местами она была выше нас и скрывала все вокруг. Вот и ложбина... Мы осторожно крадемся вперед. И когда я сквозь траву разглядел илистый солонец, у меня чуть не вырвался крик радости. Прямо перед нами мирно паслись грозные гяуры. Особняком стоял сторож — старый бык.

Черная, с коричневым отливом шерсть быков поблескивала на солнце, а мощные ноги в белых «чулках» казались поантилопьи стройными.

Мы долго любовались животными, которые спокойно ужинали. Я осторожно достал камеру и приготовился снимать. Но легкий щелчок замка на футляре привлек внимание быка. Бдительный сторож издал короткое глухое мычание. Тотчас стадо перестало жевать жвачку, животные подняли могучие головы, широкие уши обратились вперед, будто радарные антенны, глаза устремились в нашу сторону.

В эту секунду я нажал спуск камеры. Слабый щелчок прозвучал в полной тишине, словно пистолетный выстрел, и бык замычал уже звонче. Потом он медленно тронулся с места. Остальные гяуры пристроились к нему, и вот уже все стадо, наклонив головы, изготовив острые рога, рысью идет в атаку на нас...

Я мгновенно смекнул, что произошло. Щелчок камеры прозвучал, как сломавшаяся ветка, и гяуры решили, что в траве притаился тигр. А тигры любят из засады нападать на стоящих с краю коров, убивают их и исчезают раньше, чем остальные животные успевают опомниться. А когда стадо уйдет, тигр возвращается за добычей.

Гяуры разработали свою тактику на такой случай. Они выстраиваются фалангой и сомкнутым строем идут на врага, заставляя тигра спасаться бегством.

Последнее, что я видел, прежде чем бросился плашмя на землю, — разъяренных быков, идущих прямо на нас.

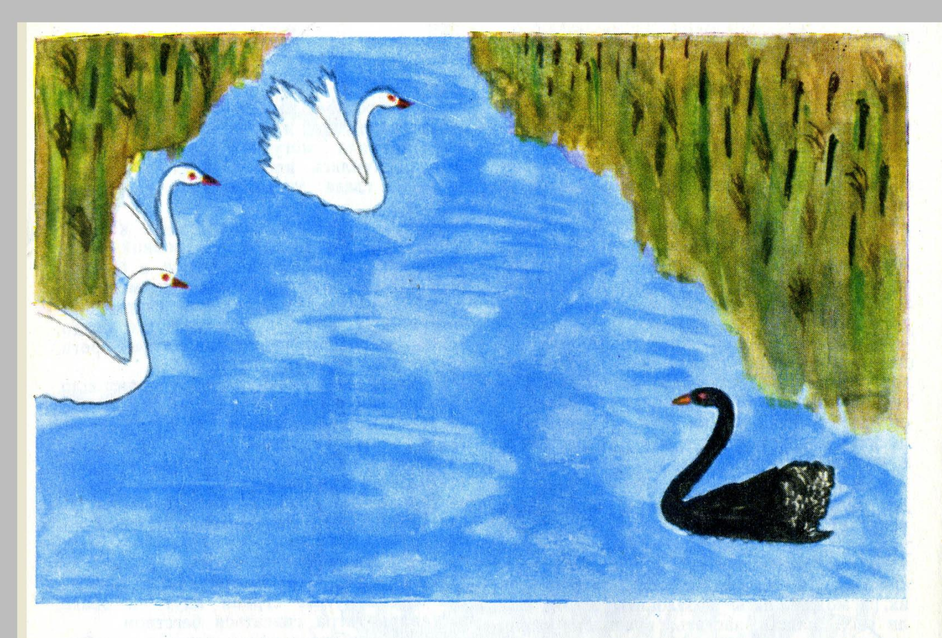
Спастись бегством от нападающих гяуров на открытом месте нельзя. Они стремительны, как молния, и ничто их не остановит. Какую-то долю секунды я думал над тем, чтобы пустить в ход винтовку, которую Сот успел мне передать. Может быть, если я уложу вожака, остальные остановятся? Но я не был в этом уверен. А вдруг они еще сильнее разъярятся. И я решил не открывать стрельбы. Вместо этого я поплотнее прижался к земле, моля небо, чтобы стадо пробежало мимо нас. Этому приему меня научил один старый охотник. Что же, проверим...

Петер и Сот последовали моему примеру. Мы боялись вздохнуть, лежали как мертвые. Топот атакующих быков звучал, словно гул курьерского поезда в тунселе. Вот уже видны острые копыта, взбивающие пыль между кочками. В эту критическую минуту Криб куда-то пропал. Я услышал, как он что-то кричит слева от нас. Тотчас стадо свернуло в ту сторону.

Топот стих вдалеке. Держа в руке винтовку, я высунулся из травы, чтобы проверить, чем можно помочь Крибу. И увидел, как он исполняет свой рекордный трюк. Подбежав к дереву, он быстро-быстро полез вверх. Разгневанный бык промчался мимо дерева, и все стадо удалилось галопом к лесу...

Х. СКАФТЕ

Перевод с датского Л. Жданова

«НЕЗНАКОМЕЦ» — **Андреева Таня**, Москва

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

На первой и четвертой страницах обложки фото Р. Воронова «Осенние листья».

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ

Редколлегия: Булгаков Л. Н., Корчагина В. А., Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Синадская В. А., Чащарин Б. А. (ответственный секретарь), Щукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков

Художественный редактор **А. А. Тюрин**
Технический редактор **Н. Ф. Михайловская**

Сдано в набор 7/IX 1971 г. Подп. к печ. 7/X 1971 г. А01322. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 1 500 000 экз. Заказ 1912. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

«НА СЕВЕРЕ» — **Миша Прокопенко**, г. Норильск

«ДРУЗЬЯ» — **Петя Кудряшов**, г. Омск

